

ГЕНИЙ ИЗМЕНЫ

Жестокая игра об украинской интеллигенции в двух действиях, четырех картинах

Действующие лица

Петр Иванович – в *Картине первой* ему лет 35, одет в рабочую спецовку из дорогой ткани, пошитую лучшим киевским портным, под ней белая рубашка с галстуком, в *Картине второй* – лет 45-ти, в красивом черном пальто, широкие брюки наглажены, ботинки тускло поблескивают, в *Картине третьей* – лет 50-ти, в немецком мундире офицера вермахта со споротыми отличиями, в *Картине четвертой* – лет 70-ти, в модном костюме и галстукке, с орденом Отечественной войны 1-ой степени. Всегда в золотых очках, только в *Картине четвертой* – в очках с роговой оправой. Реальный прототип главного героя пьесы с годами тучнел, однако актеру, играющему Петра Ивановича, вовсе не обязательно воспроизводить внешность украинского писателя, ученого и философа Петрова-Домонтовича-Бера.

Надежда Павловна Нулёва, жена, потом вдова известного украинского поэта-неоклассика и выдающегося литературоведа – в *Картине первой* ей лет под 30, в темном платье с белым воротником, яркая брюнетка. В *Картине четвертой* выглядит лет на 50, одета неброско, но модно, держится очень прямо, волосы неестественно черны.

Энкаведист – в *Картине второй* ему лет 30, в форме капитана госбезопасности, в *Картине третьей* – даже помолодел, одет подчеркнуто по-европейски: клетчатый джемпер под пиджаком, брюки гольф, на голове берет, в *Картине четвертой* – потолстел и постарел, в украинской рубашке-вышиванке под пиджаком светлого и просторного летнего костюма.

Филиппович Павел Ефимович, известный поэт-неоклассик, литературовед – лет 40-а, дорого, но немного мешковато одет по моде 20-х годов. С чемоданчиком.

Немка – лет 30-ти, хорошо одета по моде конца 40-х, худая блондинка, почти непривлекательная.

Клименко Тарас Григорьевич, ассистент Украинского Свободного Университета в Мюнхене – мужичок лет 35-ти. Одет бедно, в немецкий «секондхенд» 40-х годов.

Велецкий Георгий Александрович, академик АН СССР и АН УССР – высокий, представительный, элегантно одетый, под 80 лет.

Доцент кафедры советской литературы – немного за 40. В двубортном костюме, пошитом хорошим портным, на пиджаке колодка с ленточками орденов и медалей.

Рудаков, ефрейтор – лет 20-ти. В потрепанной солдатской шинели со знаками отличия войск НКВД, с винтовкой. Его должен играть тот же характерный актер, что и Доцента.

Человек с транспарантом на палке – в *Картине первой* появляется в толстовке, мятых холщевых штанах и в резиновых тапочках, в *Картине второй* – в безукоризненно подогнанной форме войск НКВД и в блестящих хромовых сапогах, в *Картине третьей* – в европейской гражданской одежде сороковых годов прошлого века, в *Картине четвертой* – в смокинге официанта, в галстук-бабочке.

Действие первое

Картина первая

Спартанская берлога неженатого гуманитария, которую украшают разве что книги, сложенные стопками у стены, и криво висящая модернистская картина без рамы. На авансцене Надежда Павловна и Петр Иванович. Сидя на разобранной кровати спинами друг к другу, они заканчивают одеваться. Надежда Павловна, выпятив губки, застёгивает пуговичку сзади под воротником платья, Петр Иванович завязывает галстук.

Появляется Человек с транспарантом, развязно выходит к авансцене, показывает транспарант «19 апреля 1930 года. Киев. Комната Петра Ивановича в коммуналке на Ленина». Оборачивает транспарант. Там: «Говорят сначала на русском языке, потом на украинском». Уходит.

Надежда Павловна (*теперь занята узлом волос на затылке, мычит, потому что держит шпильки во рту*). Может быть, мне лучше уйти отсюда молча?

Петр Иванович. Прошу прощения, я не расслышал.

Надежда Павловна (*вынув шпильку изо рта*). Разве не лучше ли было мне уйти отсюда молча?

Петр Иванович. И тем обидеть меня еще больше? За что?

Надежда Павловна. Только сейчас я поняла, что ты обращаешься ко мне на русском. Давай уже лучше на украинском, Петя.

Петр Иванович. Странно. Я и сам только сейчас это заметил. По-видимому, с тобою я вернулся в двадцатый год, когда в нашем кругу все разговаривали по-русски.

Надежда Павловна. В двадцатый, когда мы с тобой сошлись, и ты бросил меня. И чем это я тебя сначала оскорбила, что теперь "еще больше"?

Петр Иванович (*удивленно*). А мне так всегда казалось, что это ты меня бросила тогда... Не тогда, правда, а позже, когда замуж вышла. А сегодня – разве это не обида, что ты вынудила меня... ну, предать моего старого и лучшего друга? Я понимаю, что эти слова слишком грубо передают то, что происходит между нами тремя, но нужно же было как-то...

Надежда Павловна Я?! Тебя?! Однако стоп машина. Знаешь, я еще не готова обсуждать вопрос, кто из нас кого предал. Да и слово такое плохое... (*Пауза*). Тебе не

кажется, что теперь на украинской мове в Киеве разговаривают только фронтеры, как до войны?

Петр Иванович. О! *(Всматривается в её лицо)*. Это ты сама придумала? Или услышала от...?

Надежда Павловна. Лучше уж я пойду. *(Остается на месте)*.

Петр Иванович. Прости! Просто очень острое сделала замечание. И весьма меткое. Хотя официально никто не прекращал нашу хилую украинизацию, в обществе опять стало добрым тоном разговаривать на великом и могучем. Относительно же измены... Если поставить вопрос шире, то для украинца понятия предательства оказывается таким же амбивалентным и расплывчатым, как образ Иуды Искарота в толкованиях новейших писателей. Как только украинская нация сформировалась, сразу же породила либо бунтарей-изменников, либо верных служак чужому хозяину, ибо сформировалась наша нация в составе чужих государств. Разве Хмельницкий не изменил польскому королю? А вспомни Выговского, которого именно за измену и расстреляли поляки? О Мазепе и не говорю! А кто не изменил королю или царю, изменял собственному народу и его культуре – с тем до сих пор и живем!

Надежда Павловна. Вот как? Дай-ка я взгляну на твой галстук. *(Поправляет, он целует ей руку)*. Без теоретизирования минуты прожить не можешь. Повезло мне в жизни, ох, как повезло: один гениальный пустомеля у меня дома, под рукой, а другой мне письма пишет, всё не успокоится – так, может, теперь перестанешь, а, Петя?

Петр Иванович. Скорее наоборот. Как можно успокоиться, когда ни одной, на тебя похожей, до сих пор не нашел?

Надежда Павловна. А она? Эта тебе тоже не подошла? *(Показывает на картину)*.

Петр Иванович. Саломея? *(Смотрит на картину)*. Не стану лгать, с нею я связывал некоторые надежды. Когда назначила мне свидание, правду скажу, не спал ночь, всё мечтал. *(Получает от Надежды Павловны ладонью по губам)*. А если бы я тебе признался, что мечтал отнюдь не о том, как будем мы с Саломеей чаевничать в садку вишневом коло хаты, а ночь не спал от возбуждения?

Надежда Павловна *(задумчиво)*. После того, как мы с тобой опять побыли вместе, тебе показалось, что меня можно ни в чем не стесняться, и у меня только что возникло впечатление, что если бы тебе сейчас приспичило по малому делу, ты и дверь не стал бы за собой закрывать. Ты ошибся. Мы остались разными людьми, Петя, а я к тому же глупой ревнивой женщиной. Да ладно... Так что там было с Саломеей?

Петр Иванович *(поднимается, ходит перед кроватью)*. А, нечего! Проговорили две или три ночи, а затем соскучились и разбежались. Слишком разные мы люди, Надя. Она настоящая богема, а я из тех, кто предпочитает получать твердую плату ежемесячно. И желательно в государственном учреждении, а не от глупого и надутого хозяйчика. Она же, Саломея, вряд ли сойдется надолго с кем-то, разве что повезет найти настоящего мазохиста-подкаблучника. Вот не знаю, как сказать по-украински...

Надежда Павловна. Не суть важно. Кажется, «той, що у жинки пид пидбором».

Петр Иванович. По-видимому, на украинский это переводится еще длиннее: "Просты мене, моя мыла, що ты мене была". Вот за что люблю я нашу мову – она живая, творится на глазах, не такая нейтральная и бесцветная, как языки русский или немецкий! И ты еще успеаешь принять участие в её выработке, еще имеешь возможность поиграть в Ганса Сакса или в Карамзина, ведь литературная мова до сих пор зияет огромными лакунами в сфере научного дискурса, не говоря уже о профессиональных технических. *(Другим*

тоном). А Саломея – слишком *émansipé*, настоящая суфражистка, а мне по душе мягкие, домашние создания – такие, как ты.

Надежда Павловна. Тоже нашел мне домашнее создание! Я ведь учительница. И разве я – не *émansipé*?

Петр Иванович. Всегда меня удивляло это твое учительство! Почему ты не осталась в Книжной палате? Была бы там уже на первых ролях. Такая нежная, такая кроткая, как ты управляешься с этими хулиганами-недоростками? И вообще, не могу привыкнуть, что хлопцам в школах теперь преподают женщины, а не строгие, неудовлетворенные судьбой мужики, вооруженные линейками.

Надежда Павловна (*таинственно улыбается*). Мне приятно, что ты меня считаешь мягкой и кроткой. А Саломея, она тебе не пишет?

Петр Иванович. Давно уже не писала. Да и о чем ей писать? К тому же получать письма из Парижа стало теперь опасно.

Надежда Павловна. Что же касается чаепития с художницей...

Петр Иванович. Да оставь ты, наконец, Саломею! Неужели нам больше не о чем поговорить?

Надежда Павловна. Я, Петя, не прочь бы выпить чаю.

Петр Иванович. Для этого нужно, во-первых, вспомнить, куда я засунул пайковый чай, а во-вторых, спуститься, прихватив его с собой, и через улицу – во «Франсуа». Сколько уже раз кафе переименовывалось, а для меня оно всё «Франсуа»!

Надежда Павловна. Хочешь сказать, что у тебя нет примуса?

Петр Иванович. А где я его тебе поставлю? На кухне стараюсь не появляться, ибо у меня с соседями такие отношения сложились, ну, прямо по лозунгу Троцкого "Ни войны, ни мира". А здесь, в комнате, зачем нужен примус – чтобы вонял керосином? К тому же чистая вода намного полезнее, чем чай или кофе. И всегда имеется приличный коньяк. Хочешь коньячку?

Надежда Павловна. Просто замечательно. На чайник и на примус у тебя денег нет, а на дорогой коньяк – тебе хватает.

Петр Иванович. У меня хватает денег на всё. Я хорошо зарабатываю, а живу бирюком. Денег не хватает только, чтобы купить отдельную квартиру. Однако зачем она мне? Всё равно придется переезжать в столицу: Харьков теперь всему голова. Или еще куда-нибудь отвезут. На бесплатную жилплощадь. (*Пауза. Бодрым тоном*). А покамест здесь имеется хотя бы то преимущество, что в самом центре, в двух шагах от академии.

Надежда Павловна. Я, кажется, уже созрела для того, чтоб поговорить о вещах, для меня еще более важных, чем твой самоубийственный холостяцкий быт.

Петр Иванович. Скорее старохолостяцкий, дорогая.

Надежда Павловна. Или старокиевский, потому что в древнем Киеве тоже не было никаких примусов и никаких чаепитий. Знаешь, Петя, я уже припомнила, как надо с тобой разговаривать. Разговаривать с тобой, это все одно, что играть в волейбол.

Петр Иванович. Скорее в пинг-понг. Ты мне «пинг», а я тебе «понг». (*Нежно*). Но я хотел бы снова поиграть с тобой в другую игру, ту, из которой мы уже сыграли сегодня один гейм.

Надежда Павловна. Отстань. Почему-то теперь вдвоем можно разговаривать откровеннее, чем в компании. Это у тебя нет друзей, ведь тебе не нужен никто, хватает и того, что варится в твоей голове, а у моего Николая, ты же знаешь, много друзей, и он обожает собирать их у нас на вечеринки. И вот как-то мы заметили, что на вечеринках стали меньше разговаривать. Смотришь: глазки у подружки заблестят, раскроет она ротик – да и закроет сразу. Николай говорит, что так же было в Риме при Нероне в годы проскрипций.

Петр Иванович. Разве? Теперь и вдвоем стало рискованно разговаривать. Вон мне Ефремов рассказывал, что Косынка выпил с каким-то товарищем-поэтом по фамилии Першотравнэвый (Сергей Александрович здесь в усы улынулся: "И такой есть") и что-то там начал ему о тяжком положении Украины, а тот подсовывает альбомчик: "Напишите, – говорит, – на память". Косынка и написал, а Першотравнэвый отнес альбомчик куда надо. За Иудину работу получил награду – командировку в Турцию.

Надежда Павловна. Но всё-таки не в Париж. Саломея ведь в Париже? (Пауза). А о Ефремове теперь тоже опасно стало разговаривать, можно его только ругать. А учителям приказано повторять партийную точку зрения на него. Слава богу, что я преподаю не литературу и не историю.

Петр Иванович. Ты хотела сказать о чем-то важном для нас, дорогая.

Надежда Павловна. Кто это утверждал, будто даже самые интимные наши чувства поневоле зависят от того, что происходит вокруг нас? Во всяком случае, не ты, потому что ты марксист лишь в научных своих писаниях. Это бы мог сказать Николай, ведь он относится к марксизму не так холодно и рационально, как ты.

Петр Иванович. По-твоему, он относится эмоционально? В поэзии Николая нет никакого марксизма, одни греки и римляне. Я, правда, давно не гостил на его лекциях.

Надежда Павловна. Что ты? Николай упорно работает над собой! Не скажу, что конспектирует Маркса или Бухарина, такого не видела, но внимательно их читает, даже ночью. Года три назад купил мой Николай у букиниста "Историческую поэтику" Веселовского. Помню даже, у кого купил, потому что очень носился с этой книжкой. В лавочке Просьяниченко, знаешь? (Петр Иванович кивает, не изменяя выражения лица). Так он читал, и вслух, для меня, тут же делал замечания, достаточно острые – и как раз с позиции марксизма.

Петр Иванович. Что Николай переходит на марксистские рельсы, меня не удивляет. Есть заразные идеологии, и марксизм одна из них. Все мы сейчас болеем марксизмом – кто еще до войны заразился, а большинству теперь привили принудительно. Однако марксизм и сам по себе для многих выглядит очень привлекательно. О пролетариях и не говорю, однако также и для ученых мужей, ибо ученому всегда интересно осмыслить свои проблемы в новой системе понятий, наложить на известные ему факты новую методологическую сетку. Знаю среди настоящих ученых весьма многих, которые коммунистов ругают, а от марксизма в восторге. С точки же зрения философской, наши марксисты скорее гегельянцы, ибо у Маркса собственной философии как раз и нет. Прости, это тебе, возможно, не интересно.

Надежда Павловна. Разве я сама этого не знаю?

Петр Иванович. Да не дуйся ты. Я просто подумал: какой марксизм возможен в библиографии?

Надежда Павловна. Марксизм не марксизм, а тупой большевизм еще как возможен. Поэтому я и ушла из Книжной палаты.

Петр Иванович (целует ей руку). Прости, ради бога. А еще я подумал, что всё-таки оно немножко смешно, когда знаменитого академика критикует доцент провинциального Института народного образования.

Надежда Павловна. Давно уже профессор. Почему ты притворяешься, будто не знаешь, что Николай профессор?

Петр Иванович. Пусть профессор. Они то дают профессорство, то отбирают. Не суть важно. Имеет значение, что ИНО провинциальный. А впрочем, это и хорошо. Знаешь ли ты, почему я пишу украинскою мовою? Ну, научные писульки понятно почему – ведь во Всеукраинской Академии наук работаю, на каком же еще языке тут писать? А я спрашиваю: почему пишу украинскою мовою, когда развлекаюсь над своими романами? Казалось бы, мне

естественно писать на русском языке, потому что я – природный русак, сын русского священника, дослужившегося до епископского сана. Однако, написав на русском свои романы, в которых действуют и спорят очень умные люди, современные интеллигенты, с кем я должен был бы соперничать? С Толстым и Достоевским, разумеется. Это было бы приблизительно то же самое, что претензии твоего Николая к Александру Веселовскому.

Надежда Павловна. Оставь, наконец, Николая в покое. Хорошо?

Петр Иванович. Как знаешь. Ты дослушай – и поймешь, что я отнюдь не хотел его унижить. Украинская литература еще дитя, она в коротких штанишках, вот почему у нас всё еще возможны первопроходцы, и они почти автоматически получают статус отечественных малых гениев. В моей сфере, в интеллектуальном романе, я вижу соперником своим разве что Винниченко, но он давно уже перестал развиваться, а развиваться успел до уровня, который мне не угрожает.

Надежда Павловна. Что я в тебе, Петя, больше всего люблю, так это скромность. А Пидмогильный?

Петр Иванович. Согласен, Валериан – это сила, хоть и больше в перспективе. Но его главная тема меня не привлекает. Судьба крестьянина в большом городе – и что бы я сказал об этом нового, я, попович, который еще и родился в Екатеринославе, все же в губернском городе, не на селе? Если ты еще не приняла мою мысль, вот тебе убийственный аргумент. На каком же уровне находится наша литература, если мы, неоклассики, собрались в XX веке приобщить, наконец, матушку Украину к литературным сокровищам античности, в то время как французы эту стадию прошли бог знает когда: в науке в эпоху Возрождения, а в литературе – в XVII веке?

Надежда Павловна (*поднимается на ноги*). Ладно. И вот о чем я давно уже хотела тебе сказать, Петя. Ты мне посылал всё, что печатал из художественного. Я всё прочитала. Мне было интересно, потому что я видела за персонажами тебя. Не знаю, так ли интересно читать это другим читателям, ведь слишком уж сложно ты пишешь. (*Пауза*). Ты не обиделся?

Петр Иванович (*свысока*). На что мне обижаться? На сущую правду? К тому же это самый положительный из отзывов, полученных на мою писанину.

Надежда Павловна. Мне уже пора. А мотивы своего сегодняшнего поступка я уж лучше обсужу с Павлом Соломоновичем Коганом. (*Пауза*). Как только доберусь до Одессы.

Петр Иванович. Это тот самый чудотворец из Одесского психоаналитического общества, да? Слышал я краем уха, что общество разогнано. Да и не нужен тебе психоаналитик, я тебе сам все объясню, дорогая.

Надежда Павловна. Спасибо. (*Опять садится на кровать*).

Петр Иванович (*подходит, обнимает*). Это было не тяжело, сделать выводы из того, что я услышал. (*Тише, на ушко*). И из того, что я почувствовал, дорогая, тоже.

Надежда Павловна (*твердо*). Вот это ты оставь, Петя.

Петр Иванович. Кто мы такие с Николаем в действительности, это уже другой вопрос, ибо каждый человек есть кантовская *Ding an sich selbst*, но мне всегда казалось, что ты, начитавшись Ницше, воспринимаешь Николая как воплощение созерцательного и умеренного аполлонического начала, а меня как типичного бунтаря, оргиастического и непредсказуемого носителя дионисийской безалаберщины. Мне известно, что начало вашего брака с Николаем было непростым...

Надежда Павловна (*непривязанно*). Откуда?

Петр Иванович. Да оттуда. Ваши отношения стали более-менее гармоничными, когда жизнь в стране немного наладилась. Как мы презирали новых буржуев! Но теперь видим, что нэпманы не только сами обжирались, но и для нас кой-чего доброго

делали, во всяком случае, тут и в Харькове. А теперь на селе начинается новая гражданская война, в Киеве исчезают продукты, а вместе это может вызвать новый голод, привести к нашему маленькому украинскому концу света. Теперь бунтарское и глубинно-жизненное в твоей душе возопило в тебе и потянуло к моей волнующей анархической личности. Вышло, как в Библии, не вспомню точно... Вот: "Бездна бездну призывает". Поэтому...

Слышится далекий телефонный звонок. П е т р И в а н о в и ч замолкает, оба прислушиваются. Тяжелые шаги в коридоре. Н а д е ж д а П а в л о в н а подхватывается с кровати, забивается в угол.

Г о л о с . Кого, кого позвать? *(Пауза)*. Канай к телефону, антилегент вонючий!

П е т р И в а н о в и ч *(Надежде Павловне)*. Я быстро, дорогая.

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(потихоньку)*. Твоя болтовня не имеет никакого отношения к психоанализу.

Г о л о с П е т р а И в а н о в и ч а . Спасибо. Я слушаю. *(Пауза)*. Привет. Рад, что вы все вернулись. *(Пауза)*. Хорошо, у меня есть коньяк, а ты поищи чего-нибудь заесть, хоть бы пару яблок. *(Пауза)*. Жду.

П е т р И в а н о в и ч *(возвращается в комнату, ему не по себе)*. Это Филиппович. Паля прямо с харьковского поезда. Их всех выпустили, и Николая тоже. Николай поехал домой, чтобы тебя успокоить, а потом тоже подойдет ко мне. Вы же здесь совсем рядом, через квартал. Боже, как я мог забыть! И ты...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(ищет свою сумочку среди бумаг на столе, находит)*. Я пошла. А когда еще я могла прийти к тебе? Николай был в Харькове, Валик в детсаде, а у меня сегодня отгул. Я сегодня выяснила кое-что относительно нас с тобой и возвращаюсь теперь к обязанностям матери и жены. А если ты раскаиваешься, то нужно было раньше вспомнить, что он на процессе СВУ.

П е т р И в а н о в и ч . Я всё на свете сегодня забыл, стоило мне тебя увидеть.

Выходят. Слышно, как громыхают входные двери. П е т р И в а н о в и ч сразу же возвращается. Садится на кровати, замирает неподвижно. Три коротких звонка.

Подхватывается, приходит уже с Ф и л и п п о в и ч е м . У того чемоданчик.

П е т р И в а н о в и ч . Ты даже не представляешь, Паля, как я счастлив, что вы вернулись.

Ф и л и п п о в и ч *(немного запыхавшийся)*. Тоже мне счастье, Петро! Но о нашей общей беде после. Я встретил на лестнице Надю.

П е т р И в а н о в и ч . Какую Надю?

Ф и л и п п о в и ч . Будто сам не знаешь? Мне это очень не по душе, Петро.

П е т р И в а н о в и ч . Если тебе не нравится, то я догадываюсь, о какой это ты Наде. Она не ко мне заходила. Дом высокий, надо мной еще три этажа.

Ф и л и п п о в и ч . Пусть. Главное, я выразил тебе свое отношение к этому и сделал это до прихода Николая.

П е т р И в а н о в и ч . Не понимаю, о чем ты. Садись, наконец. *(Показывает на кровать)*.

Ф и л и п п о в и ч *(оглядывается)*. У тебя же были стулья?

П е т р И в а н о в и ч . Были, да сплыли. В лихую годину продал за бесценок, а как получу денег, всё забываю купить новые. Садись, Паля.

Ф и л и п п о в и ч . Прости, что я тебя не предупредил, но я позволил себе пригласить к тебе еще Мишу и Оскара.

Петр Иванович. Тогда подождем с коньяком. Нечего, сделаем сидения из книг. А почему ты не пригласил Максима?

Филиппович. Он слишком впечатлителен, слишком пуглив. Разумнее обсудить ситуацию между нами, а затем уже пугать Максима. Здесь у тебя единственное место, где можно спокойно посоветоваться. Ни семьи, ни домработницы.

Петр Иванович. Ты пришел очень быстро, Паля. Забыл забежать в продуктовый?

Филиппович. Нет, забыл, что у меня колбаса в чемодане. Купил в буфете Театра оперы и балета во время заседания суда. Нет, ты представляешь, какую я проявил хозяйственность?

Петр Иванович. В Театре оперы и балета? При чем тут заседание суда?

Филиппович. Ты что ж, газеты не читаешь? Процесс проходил открыто, в Театре оперы и балета. В Харькове шутили: «Опера "СВУ", музыка ГПУ». После того, как прочитан был приговор, стало не до шуток. Осуждено 44 человека, Ефремов – академик Сергей Александрович Ефремов – получил смертный приговор. *(Пауза)*.

Петр Иванович *(потирает лоб)*. У нас все говорят, что никакого «Союзу вызволэння Украйины» не было.

Филиппович. Ясно, что не было. Обвинение высосано из пальца. Однако чекисты пошли на открытый процесс, демонстративно пренебрегая здравым рассудком. В духоте оперного зала как будто звучало: пусть не было антигосударственного заговора, но вы украинцы, поэтому могли устроить заговор. А в чем именно обвинить вас, мы уж сами придумаем.

Петр Иванович. Бей своих, чтобы чужие боялись?

Филиппович. Едва ли. Мое впечатление такое, что мы им, хозяевам Украины, уже не свои, даже не попутчики. Я, знаешь ли, никак не разберу, что же именно происходит, поэтому мне нужна твоя аналитическая башка, Петро.

Петр Иванович. Ты рассказываешь слишком абстрактно, Паля, чтобы можно было проанализировать. Для анализа нужно будет еще поднять газеты. Но ты успел меня перепугать, признаю.

Филиппович. Я не спал в поезде, думал. И кое-что придумал. Это будет умозаключение уже более предметное. В чем обвинили Сергея Александровича? В том, что он напечатал в заграничном украинском издании полемическую рецензию на книжку советского публициста. Считалось ли такое преступлением, достойным расстрела, хотя бы пять лет тому назад? Следовательно, то, что раньше позволялось, теперь становится поводом для обвинения. Не знаю, как тебя, а меня охватывает дрожь перед логикой ГПУ.

Петр Иванович. А я бы не торопился говорить о нелепости обвинений против Сергея Александровича, Паля. Сейчас мы здесь вдвоем, так что положи руку на сердце и спроси себя, разве он не враг советской власти? Ты от него хоть раз слышал что-нибудь хорошее о советской власти? Если теперь карают за мысли, в приговоре Ефремову появляется смысл. К тому же возможно еще одно объяснение: большевики не забыли его деятельности в гражданскую войну, не забыли, что он был заместителем председателя Центральной Рады и что возглавил киевскую управу после отступления из города Красной Армии. Поскольку же, в отличие от его вечного оппонента Грушевского, Сергей Александрович никогда не пресмыкался перед коммунистами, избегал даже дипломатии с ними, они считают его врагом, который не раскаялся и не разоружился.

Филиппович. Однако Сергей Александрович был амнистирован...

Петр Иванович. Ты же сам сказал, что в ГПУ особая логика. И мораль особенная. Было время, когда им нужно было расколоть украинскую эмиграцию, и тогда они амнистировали даже кровавого атамана Тютюнника. Теперь наступает время репрессий, а об

установках десятилетней давности и не вспоминают. Что чекисты сделали бы с Сергеем Александровичем, если бы поймали его в двадцатом году, когда он был нелегалом и прятался, как нам рассказывал, в Боярке? А? Теперь, наконец, отыгрались. Если руководствоваться логикой мести, это нормально.

Филиппович *(медленно)*. Мне не очень нравится то, что ты говоришь, Петро. Точнее, не то, что говоришь, а тон твой. Возможно, я не пересердился еще на тебя за Надю.

Петр Иванович. Гневаться – твое право. Но хотел бы напомнить тебе, что никто из нас, из группы мирных неоклассиков, не воевал против советской власти и даже не боролся с нею политическими или литературными средствами. Казенным же языком, у нас нет антисоветского прошлого. Разве есть за что нам мстить?

Филиппович. Это теперь не суть важно, ибо «кто не с нами, тот против нас». Теперь никто не может чувствовать, что он в безопасности. А уж тем более наша группа. Пока еще мы втроем были вызваны на процесс как свидетели, однако в кулуарах я слышал, что эта машина, если уж затянула тебя в свои колеса, то не выпустит. Когда станет преступлением уже то, что мы не воспевает социалистическое строительство, наступит наш черед.

Петр Иванович. Боюсь, что ждать осталось недолго.

Филиппович. Увы! Тебя с Максимом и Мишу не таскали в Харьков, но в театральном зале звучали имена всех шестерых. Мы есть консервативно-эстетская группировка, мы воплощаем враждебные советской действительности тенденции, в частности, преклонение перед культурным наследием мировой буржуазии et cetera.

Петр Иванович. Нечего себе!

Филиппович. Но даже наш Нулёв не сможет доказать, что у древних греков были коммунистические убеждения, правда? К тому же ты, по-видимому, в наибольшей опасности. Там говорилось, что ты, редактируя вместо больного академика Лободы "Этнографический вестник", позволил украинским фашистам и попам напечатать там кулацкие повестушки и черносотенные церковные легенды об антисоветских чудесах. Так что ожидай неприятностей, Петро.

Петр Иванович. Неприятности уже начались. Дежурный том "Вестника" задержан, и меня вынуждают написать открытку-вкладыш с раскаянием в грехах и обязательством отныне приложить все силы для партизации этнографической науки. Вон так! Именно партизации! Как быстро они забыли, что в нормальном государстве не может быть одной-единственной партии и что сами еще до лета восемнадцатого года правили в коалиции с левыми эсерами!

Филиппович. Нашел время вспоминать о левых эсерах! Скажи лучше, что нам теперь делать? Боюсь, что это теперь вопрос жизни и смерти.

Петр Иванович. Бесспорно, Паля. Удрать – это было бы наилучшее решение. За границу теперь не смоешься, остаются Москва или Питер. Кстати, наша Этнографическая комиссия начала уже разбегаться: Данилов едет в Ленинград, а Квитка думает перебраться в Москву. Его как известного музыковеда давно уже приглашают преподавать в Московскую консерваторию.

Филиппович. Но что ему делать в Москве – мужу Леси Украинки? Где он там, Климентий Васильевич, будет записывать думы и песни?

Петр Иванович. Не знаю. Видно, ему нервы дороже.

Филиппович. Нервы? Жизнь, Петро, жизнь. Лично меня никто никуда не приглашает. И мне было бы тяжело обитать в поголовно русской среде после нашего милого киевского кавардака.

Петр Иванович. Присоединяюсь во всем. Теперь выскажусь коротко, ведь Николай вот-вот прибежит. Не покаяться ли нам, следуя этой иезуитской советской моде? Я,

по-видимому, всё-таки напишу тот дрянной вкладыш и насыплю себе на плешь немного пепла на очередном собрании Академии.

Филиппович. А я уже не уверен, не выдавлю ли теперь из себя и не напечатаю ли чего-нибудь оптимистического, такого, что можно будет понять как принятие советской действительности. То есть в стихах.

Петр Иванович. Ты же говорил, Паля, что в стихотворениях пишешь лишь то, что само собой пишется...

Филиппович. Мы с Марией Николаевной (ты же её видел) как раз приняли решение расписаться через месяц. И вот тебе еще одна причина, почему я так опечалился, когда увидел Надю на лестнице.

Петр Иванович. Забудь, наконец, об этом нелепом совпадении, умоляю! Обещаешь?

Филиппович. Да. Фактически я уже не одинок, как ты, и должен думать не только о себе.

Петр Иванович. Понятно. Третье мое предложение – это даже не о каком-то пути спасения, а о жизненной позиции, которую стоит, по моему мнению, нам избрать. Жить, как жили, работать, как работали, полагаясь на то, что политика советской власти не дает передохнуть, не дает соскучиться – так, шут её знает, может быть, сделает и спасительный для нас поворот? Я слышал, кстати, что в Москве планируют составить новую конституцию, демократическую, наподобие европейских. Может быть, не для отвода глаз только? А пока что в нашем отношении к большевикам следует руководствоваться правилом: «Не дразни собак».

Филиппович. Иными словами, насунуть шляпу на глаза, если далеко бежать до кучи песка, чтобы всунуть голову? Стать адептом стоицизма? Или вот:

Бей в барабан и не бойся беды!
Целуй маркитантку звучней!

Петр Иванович. Ух ты, как развеселился наш стоик! Кстати, Паля, "шляпу на глаза" и "бей в барабан" – это разные вещи. Ничего себе философская апатия – "целуй маркитантку"!

Филиппович. А вот я убежден, что Гейне воплощает здесь именно философию новейшего стоицизма. Итак, Петро?

Петр Иванович. Подытожу в кратчайшем изложении. Если удирать, то в российские столицы, где местные чекисты украинцами не интересуются. Если оставаться в Киеве, то покаяться, чтобы выгадать время, а затем не рыпаться, в надежде на лучшее.

Филиппович. Мрак! Это же так она говорила, та дура из "Двенадцати стульев" – "Мрак!?"

Петр Иванович. Что же касается пугливой поэтической души Максима, то парню уже...

Слышатся три коротких звонка.

Филиппович. Легок на помине.

Петр Иванович. Нет, это не Максим, это Николай так звонит. (*Кривится*). Не откроешь ли, Паля? Я что-то ногу засидел.

Филиппович. Почему же нет? А я забыл, что Максима сегодня не будет. (*Выходит*).

Петр Иванович. Ты даже не вспомнил, мой благородный Паля, что существует еще одна возможность спастись.

Картина вторая

Кабинет следователя. Без окон. Письменный стол со стандартной настольной лампой. Она горит, изредка помаргивая. За столом и перед столом обычные канцелярские стулья. На стене несколько плакатов, один обязательно на тему "Болтун – находка для врага" и один из тех, где могучий красноармеец прикалывает штыком плюгавого немецкого солдата. У стены простой платяной шкаф и старинный сейф с открытой дверцей.

Звучат далекие разрывы снарядов, более близкие пулеметные очереди и выстрелы из винтовок. Время от времени с потолка сыплются куски штукатурки.

Открываются двери, из них выходит строевым шагом Человек с транспарантом. Ставит на авансцене транспарант "Харьков. 30 октября 1941 года. Корпус № 1 областного управления НКВД. Говорят на русском", делает "Налево кругом" и так же, печатая шаг, выходит.

Появляется Энкаведист с узлом в руках. Кладет узел на стол, раскрывает дверцы шкафа, снимает поясной ремень с португеей и кобурой, кладет на стол и начинает неспешно раздеваться, вынимая всё из карманов и аккуратно вешая вещи на плечики в шкафу.

Оставшись в белом казенном белье и светлых целых носках, развязывает узел и передевается в бедную городскую одежду, теперь из формы на нем только сапоги. Пистолет, вынув из кобуры, затыкает за пояс под ватником.

Возвращается к столу, вытягивает из ящика стандартную картонную папочку, кладет на стол. Тщательным образом пересматривает вещи и бумаги, вынутые из карманов формы, что-то рассовывает по карманам ватника, что-то сжигает в костерке, разожженном прямо на каменном полу.

Достает из стола удостоверение в красной коже, лезвием финки отскребаёт фото, отрывки тщательнейшим образом сжигает. Подпаливает удостоверение на костерке, кладет на стол.

Энкаведист. (*Рассматривая удостоверение*). Выходит, что такой себе капитан госбезопасности Гапонов был здесь, но это уже не я был. Хорошо. Эй, Рудаков! Привести сюда задержанного! Того, в очках!

Рудаков вводит Петра Ивановича со связанными за спиной руками.

Энкаведист. Рудаков, пойдешь собери свой вещевой мешок и найди пустой для меня. Отставить, принеси прежде еще одну бечевку.

Рудаков. Есть, товарищ капитан госбезопасности. (*Выходит, возвращается с обрывком веревки, снова исчезает*).

Энкаведист. Ну, здравствуйте, Петр Иванович. (*Хочет обнять или делает вид, что хочет обнять. Тот отстраняется*).

Петр Иванович. Здравия желаю, товарищ капитан безопасности. Лучше бы руки развязали.

Э н к а в е д и с т . Конечно. *(Умело развязывает)*. Садитесь, товарищ профессор, время на инструктаж еще есть. Отступление уже началось, но комендант города клялся, что немцы нас здесь не застукают.

П е т р И в а н о в и ч . Это ему немцы пообещали?

Э н к а в е д и с т . Теперь я уже точно убежден, что это вы передо мной, Петр Иванович. *(Аплодирует)*. И что не испугаетесь задания.

П е т р И в а н о в и ч . Разве мы с вами знакомы, капитан? *(Снимает, протирает очки, снова надевает, присматривается)*.

Э н к а в е д и с т . Неужели мне до такой степени не идет пролетарский ватник? Это же я проводил с вами первую беседу, Петр Иванович, когда вы связались с нами и предложили тайное сотрудничество. В мае, одиннадцать лет тому назад. Дело было в Киеве. Цвели каштаны, под ними шли, щебеча, веселые и голодные студентки, и плыли Бибикивским бульваром эти загадочные, очаровательные и пылкие киевлянки.

П е т р И в а н о в и ч *(бросает на собеседника быстрый взгляд исподлобья)*. Давайте всё же ближе к делу. Я не очень доверяю заверениям коменданта. Немцы напирают танками, а красноармейцы, сидя в индивидуальных окопчиках, прицеливаются в них из винтовок, произведенных еще при царе.

Э н к а в е д и с т . Хорошо. Просто я тогда не поверил услышанному от вас экстравагантному объяснению вашего перехода на нашу сторону. Но тогдашнее руководство так увлеклось вашими идеями относительно стратегии разложения враждебной эмиграции, что я не с кем никогда так и не поделился своими сомнениями. К сожалению, ваш безутешный прогноз относительно лояльности населения Западной Украины полностью подтвердился.

П е т р И в а н о в и ч . Что тут поделаешь, это был результат научного анализа. Анализа профессионального этнолога, между прочим.

Э н к а в е д и с т . Петр Иванович, или вас или меня, либо нас обоих могут убить в ближайшие часы, а я очень не люблю оставлять за собой какие-то тайны. Я всегда раскапываю, в конце концов, в чем дело, и благодаря этому до сих пор еще жив и кое-чего достиг в жизни. Вот убьют вас, а я так и не узнаю, почему вы пошли на сотрудничество с органами, хоть были украинским патриотом и сыном епископа. Не доставляйте мне такой неприятности, пожалуйста.

П е т р И в а н о в и ч *(напыщенно)*. Я и теперь сын епископа. Этот оксиморон приклеился ко мне навсегда. Звучит как парадокс, ибо у православных хиротонизировать в епископы возможно только монашествующего, но я родился, когда отец был еще священником. Обратили ли вы внимание, как болезненно переживают французские писатели последствия своего католического воспитания? наших же поповичей и не отличишь в гурьбе новой интеллигенции.

Э н к а в е д и с т . Вы так думаете? Прошу ответить на мой вопрос, времени у нас и в самом деле немного.

П е т р И в а н о в и ч . Я тогда сказал сущую правду. Вы в своем деле специалист и знаете, что в таких случаях правда лучше лжи. Почему вас так удивило мое признание? Я не хотел быть расстрелянным или загнуться на Колыме от непосильного физического труда. Я человек выдающегося интеллекта и незаурядных творческих способностей, и позволить загубить себя было бы вредной бессмыслицей не только для меня, но и для человечества – уж не говорю о несчастной моей Украине, из которой ваш наркомат будто преднамеренно выбивает лучшие головы. Однако, чтобы спастись, тогда было недостаточно проявить лояльность. Разве попытка быть лояльным не есть, с точки зрения ваших коллег, ясным доказательством скрытой нелояльности? Ничем иным, как проявлением двурушничества и способом маскировки? Чтоб сберечь себя, необходимо было активно и полезно работать на

вас. Почему вас не устраивает эта мотивация? Философия эгоизма достаточно распространена – и, главным образом, среди людей, в глаза не видевших трудов Конта и совсем не задумывающихся о значении слова «философия». Вот и наилучший, самый талантливый поэт нашей эпохи, застрелившийся в том же году, посвятил какой-то там свой опус "себе, любимому".

Э н к а в е д и с т . Но вы предали своих друзей...

П е т р И в а н о в и ч (*свысока*). Позвольте полюбопытствовать, а в чем это я их предал? У нас, неоклассиков, не было никакой политической программы, а наш украинский патриотизм, если уж у нас с вами пошел откровенный разговор, был крепко подмочен идеями о культурной отсталости Украины и о необходимости скорейшего наверстывания пропущенного. За что нас и долбили «просвитяне» – и старые, патриотические, и новые – якобы коммунистические.

Э н к а в е д и с т . Не это я имею в виду, Петр Иванович.

П е т р И в а н о в и ч . А? Ну, знаете... Пусть я эгоист, но не такая же самовлюбленная сволочь. Против друзей-неоклассиков я не давал показаний. Да и вспомните: все они были арестованы летом или осенью тридцать пятого, а тогда я жил уже в Харькове, был директором Института украинского фольклора. Ах, нет... именно тогда я был в заграничной командировке, капитан.

Э н к а в е д и с т . Где же вы находились, если не секрет?

П е т р И в а н о в и ч . Как раз секрет. В бумаге о неразглашении, которую подписывал, не было сделано исключения для вас.

Э н к а в е д и с т . Следовательно, по нашей линии. Хорошо. (*Очень громкий взрыв, кирпичные стены вздрагивают, лампа гаснет уже на несколько секунд. Слышатся крики и стоны*). Хорошо. Не бойтесь. Мы в середине этой специально построенной крепости, нас не достанет ни бомба, ни снаряд. Вот завалить может, если уж совсем не повезет.

П е т р И в а н о в и ч . А я и не боюсь. Еще не испугался, то есть. Давайте ближе к делу. Я хочу, наконец, услышать свою легенду, капитан.

Э н к а в е д и с т . Хорошо. Сила и надежность вашей легенды, Петр Иванович, в том, что ее и легендой назвать трудно – вы идете к немцам под своим собственным именем и сообщаете им только железные факты вашей собственной биографии.

П е т р И в а н о в и ч . Да, об этом уже было договорено. Это наилучший вариант. Можно только представить себе, сколько раз гестапо проверяло Рихарда, но он ничего и не скрывал.

Э н к а в е д и с т . Вы знакомы с Рихардом?

П е т р И в а н о в и ч . А что тут странного?

Э н к а в е д и с т . Во время московского отдыха он был плотно законспирирован. Вот что.

П е т р И в а н о в и ч . А разве я сказал, что познакомился с Рихардом в СССР?

Э н к а в е д и с т . Рихард арестован в Токио. Я слышал краем уха в наркомате.

П е т р И в а н о в и ч . Если спёкся, то только из-за рации. По-видимому, немцы прислали японцам свои автофургоны с пеленгаторами. Ужасная штука! А иначе как японцы могли его вычислить, когда все европейцы для них на одно лицо?

Э н к а в е д и с т . Про связь потом. Следовательно, немцам вы рассказываете об ужасах ежовского террора, о расстрелянных ваших друзьях Нулевым, Драй-Хмаре, Филипповиче.

П е т р И в а н о в и ч . Что? (*Хватается за сердце*). Все расстреляны? И Филиппович тоже?

Э н к а в е д и с т . В этой папочке сведения о ваших приятелях, собранные еще в прошлом году по вашей просьбе. Потом посмотрите. Сразу скажу, что Надежда Павловна Нулёва жива, на поселении.

П е т р И в а н о в и ч . Где?

Э н к а в е д и с т . Не скажу, где. И там люди живут. По крайней мере, не в лагере. *(Пауза)*. Но что это вы на меня так смотрите? Лучше бы спросили, где я был в тридцать седьмом году.

П е т р И в а н о в и ч . Считайте, что уже спросил, капитан.

Э н к а в е д и с т . Почти весь тридцать седьмой я провел на допросах в ежовских застенках. А мучили долго, потому как не признавался, что немецкий шпион. Потом на Дальнем Востоке. Я сидел, пока вы жировали в Киеве и Харькове. Возвращен в ряды НКВД по приказу нового наркома лишь в прошлом году. Удивляюсь, как это ежовские опричники не ликвидировали вас, уж слишком умного. *(Петр Иванович улыбается)*. Что я такого смешного сказал?

П е т р И в а н о в и ч . Вы, тоже слишком умный, верите, будто ничтожество Ежов мог без санкции сверху развернуть такие репрессии? Или что враг народа мог пролезть на должность руководителя госбезопасности?

Э н к а в е д и с т *(медленно)*. Ответы на такие провокационные вопросы могут нас слишком далеко завести, а я не могу сорвать операцию, расстреляв вас. *(Еще более рассудительно)*. Пусть вы индивидуалист, это, в конечном счете, ваше личное дело, но я убежден, что на такой работе, как моя, необходимо во что-то и в кого-то верить. Я верю в чувство локтя, в нашу команду, в справедливость социалистической идеи, наконец, и именно поэтому я не могу принять обвинение, скрывающееся за вашими вопросами. Видите, если я и умный чекист, то все же не слишком.

П е т р И в а н о в и ч . Понял. Свои вопросы снимаю. Но как вы теперь относитесь к тем своим сослуживцам, которые вас истязали?

Э н к а в е д и с т . Во-первых, мои товарищи – разведчики, а не контрразведчики, меня же допрашивали контрразведчики. Во-вторых, все они теперь на фронте или за линией фронта во главе диверсионных групп, из которых большинство не возвращается. Мне кажется, они искупают сейчас свои грехи.

П е т р И в а н о в и ч . Вы пришили палачам крылышки и превращаете их в ангелов?

Э н к а в е д и с т . Хватит! Знаете ли вы, что по приказу Ежова были казнены несколько высших должностных лиц ГПУ, протестовавших против разнарядок на врагов народа и на расстрелы? Нельзя мазать всех черной краской! *(Пауза)*. Но после войны, если останемся в живых, я напишу на вас докладную записку.

П е т р И в а н о в и ч . Если после войны, не возражаю.

Э н к а в е д и с т . Шутка.

П е т р И в а н о в и ч . Может, вернётесь к моей легенде?

Э н к а в е д и с т . Вы скажете немцам, что были принудительно эвакуированы в Уфу, но вернулись нелегально в Харьков, сняли комнату по этому адресу *(достаёт из папочки и протягивает бумажку)*, а хозяин вышел ненадолго и не вернулся. Запомните адрес. И вот вам ключ. Это на восток от Госпрома.

П е т р И в а н о в и ч *(Присматривается к бумажке)*. Да знаю я, где это. Частный домик, конечно? Знаете, я лучше перепишу адрес своим почерком и оставлю себе. *(Пишет на краю бумажки, отрывает его, заворачивает в него ключ и прячет в карман)*. Готово. А почему я не мог пойти прямо к себе? Ведь моя квартира забронирована.

Э н к а в е д и с т . Скажете, что побоялись, так как вернулись нелегально. В действительности я исключил такой вариант, потому что у вас слишком хорошая квартира, да

еще и на центральной улице. Немцы такие забирают себе. *(Сжигает остатки бумажки прямо в пепельнице, достает из папочки фото)*. Вот он, ваш квартирный хозяин, Сидор Ильич Гупало. Среднего роста. Вдовец, детей не имеет. Одет именно так, как здесь. Рубашка эта клетчатая, как видите, клетки синие и красные. Гупало не вернется: эвакуирован.

Петр Иванович. Надеюсь, не расстрелян? Это было бы очень опасно. Немцы для пропаганды вытягивают расстрелянных вашими коллегами из тюрем на площади и отдают родственникам. Готово, жгите фотографию.

Энкаведист *(сжигает фото)*. Разве я не знаю? Он эвакуирован. Дальше. Вы проголодались, а в доме ни крошки. Вышли на улицу что-нибудь раздобыть – а тут патруль. Вас сюда и приволокли.

Петр Иванович. В действительности самым тяжелым для меня было связаться с вами. Телефонные автоматы уже не работали. Наверху не ожидали, что немцы так быстро продвинулись к Харькову.

Энкаведист. Хорошо. Вас допрашивал капитан Гапонов, то есть я. Вы сказали, что возвратились, так как беспокоились об антиквариате, оставленном в квартире.

Петр Иванович *(улыбается)*. Это не пройдет, капитан. Нет у меня дома ни одной антикварной вещи, когда не считать нескольких старопечатных книг без переплетов.

Энкаведист. Пусть. Итак, вас допрашивал капитан Гапонов. Для подтверждения ваших слов я брошу здесь это удостоверение. *(Передает)*. Как видите, фотокарточка оторвана, но, если спросят о внешности, спокойно описывайте меня. Я бывал в городе в форме. Чтобы фотографировали на улице, такого не заметил, но могли запомнить. А у меня не такая внешность, чтоб поймать меня по словесному портрету. В отличие от вас, кстати.

Петр Иванович. Благодарю за комплимент. Действительно, я еще нравлюсь женщинам. Но я и не собираюсь прятаться. А вы не боитесь выдать немцам формуляр документа и тайные знаки, заверяющие его аутентичность?

Энкаведист. Нет, это удостоверение старого образца. Знаки тоже были устаревшие, но я их выцарапал на всякий случай.

Петр Иванович. Как и с кем мне связываться?

Энкаведист. Вы забегаете наперед. Но какая разница? Связь только через меня. Я сам вас найду. Когда же не смогу сам, к вам подойдет человек, что-то там спросит, но обязательно проговорит слово "асбест". Вы же, если сами уже будете арестованы и вас выведут подсадной уткой, должны в ответе употребить слово "бетон". Это и когда я подойду, а вы будете в этой досадной ситуации.

Петр Иванович. Ага – чтобы вы меня подстрелили? Я против. Связь только через вас. А если у меня возникнет срочная потребность вас увидеть, то я буду в Первомайском парке. Знаете? *(Энкаведист кивает)*. То бишь каждую среду на третьей скамье от главного входа в три часа. Дня, понятно. Не выйдет у меня почему-то – в четверг на четвертой скамье в четыре. Я думаю, легко запомнить.

Энкаведист. Хорошо. Однако вы недооцениваете возможности моей группы. Кроме боевиков и подрывников, имею две рации – основную и резервную. Все люди уже в Харькове и законспирированы.

Петр Иванович. Радиосвязь в городе, да еще используя специального радиста, слишком рискованна, капитан. Первая-вторая передачи более-менее безопасны, а потом выпишут из Берлина пеленгаторы и начнут охотиться. Возьмут радиста, захватят шифры. Через радиста выйдут на вас, а расшифровав сообщение – на меня.

Энкаведист. Ничего лучшего в мире пока еще не придумали, Петр Иванович. Одно скажу: ребята будут замкнуты только на меня, а я вас не предаю.

Петр Иванович *(невесело улыбается)*. Простите, но откуда такое убеждение? Благодарю, конечно.

Э н к а в е д и с т . Я же не сознался, что немецкий шпион. *(Вынимает из-под стола левую руку, показывает пальцы)*. Видите, я настолько вам доверяю, что выдаю свою особую примету. Своим не сознался, а фашистов я ненавижу. У меня к ним личный счет еще с Испании.

П е т р И в а н о в и ч . Тронут и сочувствую. Сознаюсь в ответ, что имею свой канал связи. На всякий случай. Когда совсем прижмет, сумею собрать приставку к радиоприемнику. Надеюсь, статус мне позволит держать дома радио. Разве я вам не говорил, я же прошел спецподготовку!

Э н к а в е д и с т . Вон как! Тогда давайте разоვნемся. Покажете мне, чему вас там научили. *(Поднимается, выходит на авансцену и начинает мягко подпрыгивать на обеих ногах вместе)*.

П е т р И в а н о в и ч *(смотрит на него с ужасом, не двигается)*. Поищите себе другой старый мешок для тренировок, капитан! *(Присматривается)*. Э, да на вас командирские сапоги!

Э н к а в е д и с т . Ну и что? Это на западной Украине, во Львове, в тридцать девятом году наши ребята в гражданском демаскировались, оставляя сапоги, потому что там гражданские в сапогах не ходят. А мы в Харькове, здесь можно.

П е т р И в а н о в и ч . Пусть. Однако они у вас начсоставовские, отличного хрома.

Э н к а в е д и с т . А действительно. Пожалуйста, заберите руки назад. Рудаков!

Р у д а к о в *(прибегает)*. Вот вещмешок для вас, товарищ капитан.

Э н к а в е д и с т . Скажи лучше, чем это ты набил свой мешок? Отставить, какой у тебя номер сапог?

Р у д а к о в . Сорок пятый широкий, товарищ капитан.

Э н к а в е д и с т . Нет, это слишком. Вот что, пробеги по камерам, найди мне сорок второй. Нужны обычные рабочие сапоги, но чтобы и зубы не скалили.

Р у д а к о в . Там закончили, товарищ капитан. Наши собираются возле хозяйственного входа.

Э н к а в е д и с т . Я уже услышал, что закончили. Одна нога – здесь, другая – там!

Действительно, ближних выстрелов из винтовок уже не слышно. Зато пушечные выстрелы стали громче.

Э н к а в е д и с т . Продолжим. Ваша идея заработать авторитет у украинских националистов, издавая литературно-художественный журнал, одобрена. Название придумайте сами, какое-нибудь патриотическое.

П е т р И в а н о в и ч . Скажем, "Украинский запев".

Э н к а в е д и с т . Какая разница?

П е т р И в а н о в и ч . Или "Украинский засев". Денег просить у немцев?

Э н к а в е д и с т . Деньги на журнал и на другие ваши потребности уже на конспиративной квартире. К сожалению, советские. Некоторое время еще будут ходить, следует их как можно скорее потратить или поменять на оккупационные марки. А у немцев – отчего не попросить?

П е т р И в а н о в и ч . Конечно. Это всё? У меня такое ощущение, что пятки припекает.

Э н к а в е д и с т . Нет, не всё. Но я должен выйти, проверить нужно. Пока еще почитайте, а затем можете использовать. Я вернусь, тогда придется папочку сжечь. *(Быстро выходит)*.

Петр Иванович просматривает бумаги, время от времени стуча кулаком по столу. Забегает Рудаков. Вытаращивается на Петра Ивановича, бросает на пол принесенные сапоги, срывает с плеча винтовку, щелкает затвором, наставляет на Петра Ивановича.

Рудаков. Руки вверх, буржуй! Нет, я на тебя патрон не стану расходовать, штыком приколю. Куда подевал товарища капитана?

Петр Иванович *(не отрываясь от бумаг, вдруг кричит)*. Молчать, ефрейтор! Твой капитан пошел по камерам, проверяет, не осталось ли живых. *(Бросает быстрый взгляд на сапоги, потом снимает и протирает очки, присматривается внимательно)*. На сапогах – кровь! Хоть языком теперь вылизывай, пока не поздно. *(Возвращается к бумагам)*.

Рудаков кладет винтовку на пол, добывает из кармана тряпку и начинает лихорадочно вычищать сапоги. Звуки боя усиливаются.

Убегает Энкаведист, вырывает из рук Рудакова сапоги, садится на стул и молниеносно переобувается.

Энкаведист *(с офицерскими сапогами в руке, присматривается, куда их положить)*. Есть чуток времени. Пехота закрепилась на углу, там эки предварительно построили что-то наподобие баррикады. Наши, кстати, уже поехали.

Рудаков *(не поднимаясь с коленей, елозит по полу в направлении Энкаведиста)*. Товарищ капитан! Сжальтесь! Не убивайте за то, что видел вас с этим буржуем! Товарищ капитан!

Энкаведист *(наступив на винтовку, тычет ему сапоги)*. Сбегай туда, где брал те, рабочие, и брось возле эка, с которого стянул. Никто тебя не собирается ликвидировать, пойдешь со мной в подпольщики.

Рудаков. Наши уже поехали! *(Выбегает)*.

Петр Иванович. Ничего себе подпольщик! С такой приметной мордой. Это моя вина, но он забежал неожиданно. Всё, я прочитал.

Энкаведист. Жгите сами – у меня руки заняты. *(В пустой вещевой мешок перебрасывает из чемодана несессер, мыльницу, белье, пачки денег в банковской упаковке, а патроны и гранаты рассовывает по карманам)*. Этот болван должен был нас вывести на улицу и пальнуть в воздух, мы бы разбежались в разные стороны, а он прошел через корпус и сел бы на грузовик, но теперь... Вы бы рассказывали, что рядом взорвался снаряд, и вам удалось убежать. Теперь, наверное, сами выйдем, так как винтовку я ему не доверю.

Петр Иванович. Этот солдат не дурак: увидел меня за делом, не подобающим арестованному, и сделал логический вывод. Подумайте сами, капитан.

Энкаведист. Ликвидировать? Свой же всё-таки.

Петр Иванович. А те, расстрелянные в камерах – они разве чужие? К тому же у вас в корпусе сидели подозреваемые и под следствием, а не осужденные.

Энкаведист. Вы сравниваете сами знаете что с пальцем! Они были арестованы за шпионаж и измену Отчизне, а я выполнял приказ. Я должен был сначала спокойно подготовить ваше появление у немцев, а затем проконтролировать очистку следственной тюрьмы. Никто не знал, что всё так запутается. Но теперь я сосредоточиваюсь полностью на обеспечение вашей миссии, хоть и не понимаю, почему с вами руководство так возится. Чуть не забыл! Скажите мне размеры вашей одежды и обуви. Я должен захватить немецкого офицера ваших габаритов, чтоб обеспечить вас немецкой формой и документами.

Петр Иванович (*медленно*). А на что мне немецкая форма?

Энкаведист. Наверху хотят использовать ваш безукоризненный немецкий язык. В первую очередь нужно будет посмотреть умным глазом, что делается во Львове и Киеве (невероятные известия доходят), а путешествовать лучше в форме немецкого офицера.

Петр Иванович (*ворчит*). Я вам все же не Мата Хари в штанах. У меня свое задание.

Энкаведист. Это приказ, Петр Иванович. Приказ мне и приказ вам.

Пауза. Сильный взрыв: по-видимому, танковый снаряд врезался в стену здания. С потолка сыплется пыль.

Петр Иванович. Да черт вас всех возьми! Нет необходимости так сложно и опасно добывать для меня немецкий мундир и документы. Мне сами немцы дадут, да еще и на мое имя – во всяком случае, очень на это надеюсь. Я уже давненько в чине лейтенанта вермахта: немцы имеют уважение к ученым степеням, а я еще в тридцатом получил докторат. Если не вычеркнули из списков, аккуратные бухгалтера начислят мне содержание за шесть лет, и этого хватит на издание "Украинского запяга". (*Энкаведист молниеносно достает пистолет*). Вы что, переутомились, капитан? Окститесь! Помните, приказывали ли вам добывать для меня немецкий мундир?

Энкаведист. Правильно. Теперь всё понял. (*Прячет пистолет*). Боюсь, у Рудакова сегодня не наилучший день.

Петр Иванович. Я не имел права говорить об этом. Но моя дисциплинированность могла стоить жизни лишнему десятку харьковчан. Помните: немцы имеют обыкновение брать и расстреливать заложников за каждого своего убитого в городе солдата. Они это проделывают даже во Франции, хоть и считают французов за людей. В отличие от нас.

Рудаков (*вбегают перепуганный*). Сделал! Танки! Танки уже близко, товарищ капитан!

Энкаведист. Тихо! Снять и развязать мешок. (*Рудаков не двигается*). Собрался в подпольщики в форме НКВД? Но тебя же харьковчане сразу же удавят. Что? (*Вынимает пистолет*). Снимай и развязывай, кому говорю.

Петр Иванович кривится, поднимается из-за стола и отходит в сторону, чтобы не оказаться на линии огня. Энкаведист срывает с Рудакова вещевой мешок, развязывает его одной рукой и вытряхивает содержимое на стол. Там три помятые и потрепанные кожаные куртки, кожаное кепи, запачканное известкой черное пальто.

Энкаведист (*спокойно*). Это мародерство. Расстрельная статья. Где же твоя совесть чекиста, Рудаков?

Рудаков. При чем здесь совесть? Все так делают, товарищ капитан! Вы просто цепляетесь ко мне из-за этого своего буржуя! А кто обул зэковские сапоги! Не надо!

Энкаведист (*стреляет*). Дурак. Всё-таки дурак.

Слышны близкая автоматная стрельба и рокот танковых моторов.

Петр Иванович. Это мне напоминает, капитан, финал греческой трагедии. Не дожидаться бы нам и зрителей в грязно-зеленых шинелях.

Энкаведист. Они уже рядом. Но пехотинцы не полезут сейчас в здание, из которого по ним не стреляли. Пройдут танки, и я вас выведу через черный ход. Хотите, я вам на всякий случай опять свяжу руки?

Петр Иванович. Нет. Вы всё сожгли?

Энкаведист. Да. Хотел еще на прощание сунуть гранату в шкаф, но теперь лучше посидеть тихо. Всё же интересно: что вы делали для немецкой разведки, Петр Иванович?

Петр Иванович. Этот потолок начинает уже давить на меня. Наконец-то достал меня природный ужас, овладевающий туземцем, когда войны враждебного племени захватывают его стойбище. Что делал? То же самое, что и для вашего Иностранного отдела, капитан. Этносоциологические прогнозы составлял. Опережая ваш следующий вопрос, скажу, что для немцев смешивал правду с ложью. Так же, как ваши специалисты, когда гнали дезинформацию для белогвардейской эмиграции, выманивая Савинкова.

Энкаведист. Вот как. Вам не кажется, что танки уже уползают?

Петр Иванович *(закрыв глаза, мечтательно)*. Как только откроется университетская библиотека имени Короленко, просмотрю опять Моммзена, Гиббона, Мериваля. Образование и распад Римской империи могут много чего подсказать. Лучше уж свяжите мне руки, капитан. Но так, чтобы мог сам развязаться. *(Встает, поворачивается спиной к Энкаведисту, подает сомкнутые руки)*.

Энкаведист. Всегда пожалуйста. Только я для вас уже не капитан, а "Василь". В шифровках, если живы сегодня останемся, называйте меня "Васылём". А при чем тут распад Римской империи? Тысячелетний Рейх явно на подъеме.

Петр Иванович. А разве я что-то говорил о Рейхе?

Энкаведист. Всё, пошли. А то еще дождемся на свою голову подразделение второго эшелона. Нет, прошу вас первым. Только после вас, Петр Иванович.

Петр Иванович. Всегда приятно иметь дело с вежливым человеком. *(Выходит)*.

Энкаведист *(уже в дверях)*. Нет, я не в состоянии это добро оставить гестаповцам! *(Подскакивает к шкафу, вынимает чеку из гранаты РГД, бросает гранату в шкаф и закрывает дверцы. Выбегает)*.

Взрыв. Шкаф вспыхивает. Сцена наполняется дымом. Одиночные выстрелы на улице.

Антракт.

Действие второе.

Картина третья

Съемная комната в квартире немецкого лавочника средней руки. Задник изображает стену, обклеенную обоями крупного рисунка, она пестреет прихотливо расположенными фотопортретами бюргеров и бюргерш в малых и маленьких разнообразных рамках. Почетное место занимает японская гравюра (или репродукция японской гравюры), изображающая свидание самурая с гейшей. На комодке ваза и фарфоровые статуэтки. Слева – дверь, справа – ширма желтого шелка с мифологическим рисунком, ею отгорожен спальный угол. На авансцене письменный стол XIX ст., заваленный книжками и бумагами. Возле него кресло, напротив – два стула.

К и л и м е н к о сидит за столом спиной к ширме.

Из дверей появляется Ч е л о в е к с т р а н с п а р а н т о м , вносит транспарант с надписью "16 апреля 1949 года. Германия, совместная американо-британско-французская зона оккупации, или Тризония. Мюнхен. Говорят на украинском", ставит его справа на авансцене, выходит.

Из-за ширмы слышатся звуки какой-то возни, возгласы, томные стоны.

К и л и м е н к о (*ломает руки*). Боже мой! О боже мой!

Из-за ширмы выходит П е т р И в а н о в и ч . Опускает голову, отворачивается от К и л и м е н к о , застёгивает ширинку. Подходит к столу, засовывая запонки в манжеты белой рубашки, снимает со спинки стула немецкий мундир, надевает в рукава. Садится напротив К и л и м е н к о .

П е т р И в а н о в и ч . Fräulein... – как её там?

К и л и м е н к о . Вильде.

П е т р И в а н о в и ч . Fräulein Вильде сейчас выйдет. Почти стихотворение. Хоть и не сказал бы, что она поэтическая личность... Ваша Fräulein почистит перышки и выпорхнет.

К и л и м е н к о . Петр Иванович, как вы могли? Как вы могли такое со мной совершить?

П е т р И в а н о в и ч (*рассудительно*). С вами? А я думал, что... гм, поступил как-то не так с вашей подругой, пане Килименко. Как мог я такое совершить, говорите? Тогда позвольте спросить: а для чего вы её привели? Я понял дело таким образом: вы напросились ко мне в гости, чтобы уговорить меня отнестись снисходительно к вашей лекции, подготовленной для утверждения на должность доцента в Свободном Украинском университете. Знали, что взятку я не беру, а то принесли бы мне кольцо эрзац-колбасы. А поскольку эрзац-колбасы я не взял бы, вы привели мне какую-то эрзац-девушку. Я и

соблазнился, грешник. Но попробуйте теперь доказать, что дали мне взятку. Я буду это обвинение отрицать, защищая свою честь.

К и л и м е н к о (хватается за виски). Ничего не понял! Бред какой-то. Это же дочь профессора Вильде, известного слависта! Я поставил себе целью установить связи с консервативными кругами немецких научных работников и пытался привлечь и вас, Петр Иванович, к этому благородному и полезному для украинцев делу. Боже мой!

П е т р И в а н о в и ч. Вильде, славист? Это же он работал на доктора Геббельса в Институте расовых проблем? Доказывал, помню, что славяне принадлежат к более "низкой расе", ибо не имеют собственной древности, а в новые времена – философов и теологов. Действительно, консервативные круги... Теперь я вспомнил, вы на него ссылаетесь во вступлении к лекции.

К и л и м е н к о. Какой скандал!

П е т р И в а н о в и ч. Вместо профессора вы привели ко мне профессорскую дочь – и это лучший был выбор. Я не столь прогрессивен, чтоб вступать в связь с мужчинами, тем более с профессором. Привели бы герра Вильде – и обозлили бы меня, а теперь я расслаблен и добр. Вообще же эта коллизия "профессор – дочь профессора" напоминает мне смешную aberrацию моих юношеских лет. Можете ли себе представить, пане Килименко, что я боготворил девушек-библиотекарш? Они казались мне не только недоступно-прекрасными, но и умнее всех на свете, ибо я пребывал в убеждении, что они читают все те книжки, вокруг которых возятся. Какое же испытал я разочарование, когда оказалось, что ошибался! Точно так же и знакомство с дочерью профессора отнюдь не равняется общению с профессором, хотя профессора бывают до того тошнотворны, что с дочерьми даже интереснее. Кстати, чем эта Fräulein Гильде занимается?

К и л и м е н к о (неохотно). Вильде она. В войну отбывала трудовую повинность. Теперь называет себя художницей: расписывает ручную ткани. Боже, как неудобно!

П е т р И в а н о в и ч. Судя по тому, что на её бледном животике нет шрамов, ребенка для фюрера не рожала. Относительно же вашего опуса, пане Килименко. Знаете, мне тоже неудобно.

Замолкает, ибо *Н е м к а* выходит из-за ширмы. В руках у нее сумочка, на высокой причёске неизвестно как держится шляпка. *П е т р И в а н о в и ч* встает, за ним, поспешно, *К и л и м е н к о*. *Н е м к а* уставилась на *П е т р а И в а н о в и ч а*, а на *К и л и м е н к о* не обращает внимания, словно его и нет в комнате.

Из двери выходит *Ч е л о в е к с т р а н с п а р а н т о м*, оборачивает транспарант (там: "Г о в о р я т п о - н е м е ц к и"), выходит.

П е т р И в а н о в и ч. Не выпьете ли кофе, Fräulein? Правда, у меня только желудевый.

Н е м к а. О каком кофе может идти речь? Вы очень грубо повели себя со мной, и я пытаюсь понять, почему. Может быть, вы приняли меня за проститутку? Разве я похожа?

У *Н е м к и* вдруг что-то там случилось с волосами, она кладет сумочку на стол, деловито снимает шляпку, вытягивает шпильки, потом забрасывает руки за голову, опять собирая причёску.

П е т р И в а н о в и ч (присматривается к Немке, вдруг густо краснеет). Да нет, никогда. А я – неужели я предлагал вам плату?

Немка. Вы грубо унизили меня, доктор.

Петр Иванович. Хотите сказать, что я изнасиловал вас? Но вы сопротивлялись ровно столько... как противится в подобной пикантной ситуации каждая порядочная женщина, Fräulein.

Немка. Я и не говорю, что изнасиловали. Я даже получила немного утешения. Но вы взяли меня, как хозяин рабыню, не имея на это никакого права. В Мюнхене на каждом шагу американские солдаты вынуждают немецких девушек к проституции, в советской зоне Германии и в Австрии российские солдаты насиловали всех женщин, да еще и по несколько раз – но они победители, имеют хоть такое оправдание! Вы же, доктор, не знаю, на каких основаниях носите мундир славной немецкой армии, следовательно, никакой вы не победитель. Мало того, что вы принадлежите к славянской расе, годной разве что на перегон для германских народов, вы еще и побеждены, как и несчастные теперешние немцы. Однако немецкий народ еще обязательно поднимется и будет главенствовать над миром, вы же теперь "displaced person", то есть никто, настоящий недочеловек, унтерменш. Надеюсь, что вы уже осознали, на какую решились преступную дерзость, унизив меня, арийку. А кары вам не избежать. Поскольку же германские боги погибли опять, как в опере неизвестного вам Вагнера, вас накажет ваша собственная судьба. Вы подохнете, доктор, у ног своего американского хозяина, облизывая ему ботинок. *(Пауза)*.

Петр Иванович. Прошу прощения, Fräulein, если в чем-то действительно перед вами виноват. Но вы ошибаетесь, называя меня побежденным. В какие бы обстоятельства не забрасывала меня судьба, я всегда побеждал. И впереди у меня только победы. Вас проводить?

Немка. Найду и сама дорогу. Зря я надеялась, что вы поймете мной сказанное, доктор. А вам, Негг Коломийко, впредь запрещаю ко мне подходить. *(Идет прочь)*.

Входит Человек с транспарантом, вращает транспарант. Теперь на нем надпись
"О п я т ь п о - у к р а и н с к и " .

Петр Иванович *(садится)*. Что стоите, как засватанный? Садитесь. Теперь о вашей рукописи. Как-то даже неудобно её рецензировать, говорю. *(Находит рукопись на столе, берет в руки, листает)*. Начнем с посвящения. Вот:

«Мой порабощенный – в неволе и рассеянии сущий Н а р о д !

Познай себя.

В е д и н с т в е борись за свою волю, правду
и МАТЬ УКРАИНУ!

Тебе, Народ-мученик, и посвящаю свою лекцию.

А в т о р » .

К и л и м е н к о *(глядя исподлобья)*. И что же вам здесь не понравилось?

Петр Иванович *(улыбается)*. Все очень правильно и патриотично, да только стиль не научный, не говорю уж о манере писать в разрядку или большими буквами каждое второе слово. Было бы естественно, если бы поэт Маланюк или прозаик Багряный такое написали, однако они не написали бы, потому что люди со вкусом. Но главное в другом. Простите, но посвящать так высокопарно произведение украинскому народу стоит, по-видимому, лишь тогда, когда произведение этого достойно, имеет соответствующий мировоззренческий масштаб. Вон Франко, тот снабдил патетическим обращением к народу поэму "Моисей", однако же не предварял подобными посвящениями своим этнографическими статьями.

К и л и м е н к о . Да. Кажется, я понял, Петр Иванович.

Петр Иванович. Вы пробуждаете в душе моей надежду. Идем дальше. Вот пишете вы: «Сноп-Дидух ("Рай") – это место пребывания духов-прадедов, опекунов или "покровителей" своего дома. Украинский народ все древние времена верил, что все духи (души) умерших – это святые души, они являются благодетелями рода и семьи». Все души святые – а души упырей или ведьм? И разве духи и души – это и в самом деле одно и то же? Дальше идем: «Вместе духи-Лада является посредниками между богом-солнцем и людьми. Эти духи пришли с Неба (с большой буквы!) и вселились в человека (все в одного, что ли?), а после смерти они опять отошли в солнечный край, в край духов». Скажите, пожалуйста, откуда вы это взяли, и, прежде всего, что это за «духи-Лада» такие, кто и где вам о них рассказывал? Я почти всю жизнь занимаюсь украинской этнографией, а об этих вещах слышу впервые.

Килименко. Ну, это я считаю, что так оно было у наших предков, Петр Иванович.

Петр Иванович. Вот как! То есть это только ваша гипотеза, а поскольку никакой аргументации нет, с позиции науки речь может идти лишь о догадке. Вы о «духах-Лада» будете с кафедры рассказывать, а студенты подумают, что так оно и принято в науке. Беда будет! Я с самого начала обратил внимание, что вы обещаете воспроизвести мифологическую систему древних пращуров, а пользуетесь записями XIX столетия и даже христианскими колядками. Но здесь возникают еще не преодоленные наукой методологические трудности, о которых вы и не вспоминаете. Не попадала ли вам в руки моя лекция "О происхождении украинского народа" – студенты Украинского технико-хозяйственного института отгиснули на ротаторе? Изложение там несколько упрощено, но хоть этих трудностей не скрываю.

Килименко. Как-то не случилось, но обязательно прочитаю, Петр Иванович.

Петр Иванович. Вам придется много чего еще прочитать, если желаете заниматься наукой всерьез и выработать из себя полноценного университетского преподавателя. Нам с вами повезло, ведь Мюнхен предоставляет для самообразования уникальные возможности: в Государственной библиотеке почти два миллиона томов всеми языками мира, в Университетской книжке меньше, зато сосредоточена именно научная литература. Не тратьте попусту время! Мне понравилось, что вы даете ссылки, ибо это признак научной работы. Однако на что вы ссылаетесь? Только на старый русский энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, причём не указывая авторов, а иногда даже и названий статей. Где это вы такому научились, пане Килименко?

Килименко. Я же вам говорил, что имею высшее образование.

Петр Иванович. Не хотите раскрыть тайны, в каком вузе учились? Ну, как знаете. Я не могу дать положительную рецензию на вашу лекцию. Думаю, что вам нужно еще поработать над собой, осмыслить избранную вами научную тему, а уже затем подавать на доцента. *(Встает)*.

Килименко *(Встает)*. А вы понимаете, что вырываете последний ломоть хлеба изо рта своего земляка? И не кажется ли вам, Петр Иванович, что украинцы на чужбине должны помогать друг другу?

Петр Иванович *(вздыхает)*. Но в университете и ассистент это почетная и ответственная должность. С вашим уровнем образования, пане Килименко, я смог бы помочь вам, только написав за вас лекцию. Беда в том, что мне пришлось бы и преподавать затем за вас – не могу же я перебросить из своей головы в вашу необходимые для того знания.

Килименко *(враждебно)*. Знания... Кому нужны ваши знания? Настоящая любовь к Украине позволяет и мистически постичь мировоззрение наших пращуров.

Петр Иванович. С такими настроениями вам бы лучше податься в украинскую Богословскую Академию, но... Увы, как председателю профессорского совета этого

заведения мне слишком хорошо известно, что штаты там заполнены. И все же вам удалось меня заинтересовать, пане Килименко. Хотя... вы ведь прячетесь, поэтому это не ваша настоящая фамилия. А имя и отчество одолжили из патриотизма у Кобзаря – не так ли?

К и л и м е н к о . А хотя бы и так. Ишь, догадливый какой!

П е т р И в а н о в и ч . Вот я и дождался комплимента. А теперь попробую догадаться, почему вы прячетесь от союзников. Были начальником полиции при немцах, выдавали и вешали партизан? Шпрехаєте бегло – тогда, может, служили у немцев в зондеркоманде переводчиком? Но не в дивизии СС "Галичина" – произношение имеее восточнoукраинское, где-то даже ближе к Чернигову.

К и л и м е н к о . Мне плевать на ваши инсинуации.

П е т р И в а н о в и ч . Но я всего лишь думаю себе вслух. Если прячетесь за чужим именем, совесть у вас нечиста, а в наши грязные времена обязательно и кровь на руках. Не зарезали же вы женщину из ревности, как Отелло! Я попробую потянуть за нить с другой стороны узелка. Почему вы скрываете учебное заведение, в котором получили высшее образование? Что не в тех вузах Харькова или Киева учились, где я преподавал, могу поклясться – ведь подрабатывал почти во всех тамошних вузах и выпускника того же Киевского университета нюхом бы распознал. Какое-то учебное заведение, куда мне хода не было. Какая-то партийная школа – Коммунистический университет или Институт красной профессуры! Нет, судя по вашей образованности, скорее всего, первый. Образование вам дали, и знания вы там получили, но специфические, не те, которые можно применить на эмиграции в украинском университете. Ну, а как вы здесь, в Мюнхене, очутились, меня интересует уже в меньшей степени. Вижу только, что вы не из смельчаков. Скорее всего, оставлены своей ВКП(б) в подполье и испугались, дезертировали и убежали с немцами. Были коммунистом, стали националистом – какая для вас, собственно, разница? Мне всегда казалось, что та же Национал-социалистическая рабочая партия и ВКП(б) очень похожи и по происхождению, и по структуре, и по перипетиям внутрипартийного развития.

К и л и м е н к о . Вот вы как, Петр Иванович. *(Усаживается снова)*. А сами вы кто такой, это уже я вас спрашиваю? Вы сами – высоколобое чмо, за душой и пфеннига не имеее. Даже книжки, здесь разбросанные – не ваши собственные, а из университетской библиотеки – я смотрел.

П е т р И в а н о в и ч *(развалился в кресле, развлекается)*. Мне достаточно моей головы, пане Килименко – или как вас там в действительности зовут. С моей головой я где угодно проживу – и совсем неплохо. Заведите себе такую голову, как у меня, и вам тоже будет принадлежать весь мир.

К и л и м е н к о . Слова, одни только слова. Вы берете не головой, а гонором и нахальством. В профессорском совете университета на вас очень обижены, что вы, глотку свою распустив, не позволили присудить докторат УВУ гоно... гонореум кауса группе деятелей национальной идеи и спонсорам.

П е т р И в а н о в и ч . Что? Если у Fräulein гонорея, нужно было предупредить. Ха-ха! А ведь вы действительно учились в партийной школе, где латынь не преподается. Honoris causa по-латыни значит "ради почета", но ведь предлагалось присудить наш докторат немцу – производителю шнапса, пожертвовавшему на УВУ от щедрот своих сотню марок. Наши учебные заведения и без того существуют на птичьих правах, это съемные голые стены, где кучка энтузиастов-преподавателей пытается передать свои знания несчастной украинской молодежи, заброшенной на чужбину. Я даже не знаю, признают ли когда-нибудь на Западе дипломы УВУ, но вот что наши сиволапые оуновцы со степенями докторов наук скомпрометировали бы благородное дело, это уже точно.

К и л и м е н к о . Кое-кто говорит, что вы московский шпион, потому что боитесь американских проверок и бегаеете от них из города в города.

Петр Иванович. Любопытно вас послушать! А когда бегаю от советских репатриационных комиссий, то я уже американский шпион? Имеете ли еще какие-нибудь ко мне претензии, пане Килименко?

Килименко. О вас говорят, что вы избегаете политики, Петр Иванович, но человеку вашего масштаба от политиков не схорониться. О вас говорят, что днюете и ночуете в лагере Миттенвальд, где Бандера полновластный хозяин, а дружите с Шерехом и Костецким, известными мельниковцами. Нужно выбрать что-то одно. Это я вам говорю, человек маленький. Не смею вам больше надоедать. Мы с фройляйн Вильде и без того потратили слишком много вашего драгоценного времени. До свидания. *(Кланяется, выходит)*.

Петр Иванович *(встает)*. До свидания, до свидания. *(Усаживается опять)*. А ведь он не дурак. Хоть и смешон с теми своими «духами-Лада». Даже не знает, что об этой мифической богине Ладе, выдуманной польскими хронистами, существует уже огромная литература. Но как над ними всеми тяготеют два десятилетия советской дрессуры! А надо мной – разве не тяготеют? Вот учредили мы с Шерехом и Костецким Украинское Движение Искусства, и мысль была, по-видимому, правильная: если независимое государство построить не удастся, можно создать независимую культуру, а в первую очередь литературу за пределами метрополии, оказавшейся под властью тоталитарной советской империи. Но к чему всё свелось? К призывам, съездам, конференциям, амбициям, диктату и интригам! Вот слушал я на собрании доклады коллег-писателей и понял, что они бессознательно пародируют доклад покойного Горького на советском писательском Съезде. Те же установки: какую идею воплощать (ясно, что национальную!), на какого читателя рассчитывать, на каком уровне писать (понятно, что на наивысшем мировом!), каким языком, и даже какие именно европейские языки писатель должен обязательно знать и на какие языки свои гениальные произведения переводить. Забыли только указать, в какой сортир ходить писателю. И это еще большой для меня вопрос, можно ли на воспоминаниях и на зарисовках лагерного быта создать действительно достойную украинского народа большую литературу? Эмигранты неминуемо растворятся в чужих нациях, а настоящая жизнь нашего народа продолжается там, под сталинским блестящим сапогом. *(Усмехается)*. И с такими мыслями я стану сейчас дописывать новый роман.

Далекий звонок. Петр Иванович подходит к дверям и прислушивается.

Женский голос. Guten Abend! Sie wünschen?

Мужской голос. Herr Professor...

Женский голос. Kommt doch 'rein.

Петр Иванович. Кого еще нечистый принес?

Входит Энкаведист.

Петр Иванович. Эхма!

Энкаведист. Вижу, что на этот раз вы узнали меня. Здравствуйте, Петр Иванович!

Петр Иванович. Здравствуйте... Я удивился, увидев вас живым. С чем и поздравляю! *(Бросается в объятия к Энкаведисту)*. И еще. Я не ослышался? Вы действительно говорите по-украински?

Энкаведист. Зачем так громко? Хозяйка не подслушает?

Петр Иванович. Да нет. Старуха не знает славянских языков, немного болтает по-французски.

Э н к а в е д и с т . Коротко рассказать невозможно, а времени маловато, но попробую. Я исчез из Харькова, потому что попал в облаву. Втолкнули меня в эшелон остарбайтеров, дорогой убежал. Сумел даже отправить в центр открытку о том, что вы лишены связи.

П е т р И в а н о в и ч . Как это – открытку?

Э н к а в е д и с т . Через резидента в Стокгольме. Другая возможность была – голыми руками захватить военный радиофургон и сообщить открытым текстом. Такое бывает только в кино. Опять схватили (не везло мне в то лето), отвезли меня в Заксенхаузен, там, наконец, повезло: продержался, аж пока наши не освободили.

П е т р И в а н о в и ч . Вон как. Вернулся я из Севастополя – а вас словно и не было никогда в Харькове. На тех скамьях в Первомайском парке галифе протер.

Э н к а в е д и с т . А что вы делали в Севастополе?

П е т р И в а н о в и ч . Забыли уже?

Э н к а в е д и с т . Но вы же свои шифровки сами и зашифровывали.

П е т р И в а н о в и ч . А... Для немцев – изучал настроения крымских татар, для наших – поглядывал, что за укрепления построены немцами после оккупации Севастополя. Вот когда мне пригодилась немецкая форма и природное нахальство.

Э н к а в е д и с т . Лишний был вопрос. А что касается моего украинского языка – да я всегда её знал, нашу мову. Это вы начинали разговаривать со мной по-русски – а почему бы и нет, если мы общались в таких учреждениях, а потом в Харькове? Хотите узнать, что подельваю в Мюнхене?

П е т р И в а н о в и ч . Лишнего лучше не знать. Кто вы такой, если спросят?

Э н к а в е д и с т . Я? Василь Гронский (фамилию вы можете и забыть), довоенный выпускник Харьковского университета, спрашивал у вас о возможности аспирантуры в УВУ. Был в лагере для перемещенных лиц, теперь устроился в автомастерской в Билефельде. Однако никто не спросит, разве что квартирная хозяйка. Слежки за вашей квартирой нет. Хорошо. А на улице меня подстраховывают двое ребят. Вам нужно знать, чем я здесь занимаюсь. Вам рассказывали, как был ликвидирован лидер УПА Коновалец?

П е т р И в а н о в и ч . Не помню. Это еще перед войной, кажется.

Э н к а в е д и с т . Не кривитесь, Петр Иванович. Я расскажу лишь о том, что известно в ОУН. Коновалец встречался время от времени с советским матросом, вроде бы сознательным украинцем, выслушивал новости из Украины. А он, Коновалец, был сладкоежка, и тот привозил ему красивые шоколадные конфеты. После очередной такой встречи в Роттердаме, куда Коновалец приехал с фальшивым паспортом, у него в руках взорвалась коробка с конфетами, а матрос исчез. Осталось лишь его фото, случайно снятое на улице, с копиями которого оуновцы до сих пор носят, ищут этого боевика.

П е т р И в а н о в и ч . Ваша была работа?

Э н к а в е д и с т . Да нет, конечно. Разве посмел бы я, зная о том фото, сунуться в главный провид ОУН? Наступила очередь Бандеры. И это уже будет вторая попытка. Вам нужно эвакуироваться, Петр Иванович, пока не произошел теракт. В ОУН наступит хаос, начнется резня, как после ликвидации Коновальца, и вас могут убрать, воспользовавшись случаем, так как многим мешааете. А затем мельниковцы будут валить это убийство на бандеровцев, а бандеровцы на мельниковцев. Некрологи напечатают – оно вам надо?

П е т р И в а н о в и ч . А я всё-таки рискнул бы и остался еще на пару лет. Я не успел насладиться Мюнхеном – что за музеи, что за библиотеки! Какие улицы в старом городе, какие площади! Вспомнить хоть бы один Максимилианеум, где прогуливался старый мудрец Освальд Шпенглер. Прямо глаза разбегаются.

Э н к а в е д и с т где прогуливались старый Освальд Шпенглер и молодой Адольф Гитлер.

Петр Иванович. И разве можно сравнить со здешней Университетской библиотекой ту, которой мне позволят пользоваться в камере на Лубянке? Если позволят.

Энкаведист. Слава богу! А то я уж было подумал, что вы не понимаете своего положения, Петр Иванович. Я уже и забыл, как с вами нужно разговаривать. Дела ваши плохи. Вам приказано вернуться, чтобы дать объяснения. В частности, почему вы в Нюрнберге отказались от беседы с нашим представителем.

Петр Иванович. Так этот Яновский, вечный сопливый романтик с аж "Четырьмя саблями", оказывается, был вашим связным... Что в мире делается! А я ж ему просто не поверил, да и подался подальше от Нюрнберга.

Энкаведист. Так и говорите следователю. Однако у нас писатели давно пресмыкаются перед конторой, и никто не выпустил бы вашего романтика корреспондентом на Нюрнбергский процесс, если бы он не обязался с нами сотрудничать.

Петр Иванович. Я не хочу сейчас возвращаться. Черт, а как вас теперь называть?

Энкаведист. Хоть бы и Васылём.

Петр Иванович. Да какой вы там Васыль... Не хочу возвращаться, поскольку мне не нравится, что там у вас делается. Мой прогноз о симпатиях крымских татар, чеченцев и малых горских народов к немцам-«освободителям» подтвердился, но разве можно было их репатриировать? Это же мины, заложенные в будущее СССР! Ваши там что – истории не знают? Вон римляне выгнали евреев из Палестины, а они теперь туда вернулись и принялись вырезать арабов. Поспешная, под угрозой штыков – и на глазах всей Европы – коммунизация стран-сателлитов. Глупая какая-то борьба с "космополитами", уничтожение сравнительного литературоведения (даже покойный академик Веселовский перед генсеком писателей Фадеевым провинился!), травля Зощенко и Ахматовой, да еще и эта компания "Россия – родина слонов"! Нет, уж лучше я останусь, здесь теперь посвободнее дышать.

Энкаведист. Вот обо всем только что сказанном – в Москве молчок. Я тоже вас не слышал: задумался о своих делах. А то, что я вам сейчас скажу, вы тоже забудьте сразу. То есть забудьте, кто это вам говорил. Слушайте же – всё, о чем вы сказали, на совести дяди Джо. Все делается так, как ему заблагорассудится. Он даже Сталинские премии всех трёх степеней лично распределяет. А ошибок сделано еще больше, чем вам отсюда видно. Однако в отличие от греческих богов наше советское божество не бессмертно и не владеет секретом вечной молодости. Уже – в апреле! – началась всенародная подготовка к 70-летию юбилею вождя, родившегося, как это всему прогрессивному человечеству известно, 6 декабря. Думаете, никто из его окружения не осмыслил того простого факта, что юбилей – 70-летний, а не 50-летний, и что дядя Джо сильно сдал за годы войны? Наилучшие шансы теперь имеет наш нарком.

Петр Иванович. Я тоже никак не привыкну к переименованию наркомов в министры. Словно при царской власти!

Энкаведист. Много чего имперского вернулось. Даже школы опять отдельно для хлопцев и девчат, как дореволюционные гимназии. Что же касается наркома... Мы его называем так, хотя в действительности министр внутренних дел является его подчиненным. Нарком наш уже теперь взял много власти и устанавливает контроль над Красной Армией. Он, говорили мне люди, достойные доверия, готов исправить наиболее одиозные ошибки, реабилитировать невинных (едва ли не треть населения сидит!), улучшить отношения с прежними союзниками и в стране вести современную национальную политику, а то складывается впечатление, что живем во времена Чингизхана. А главное, наш нарком очень умный человек, что уже не раз доказывал на практике. Думаю, одного примера хватит. Обратили ли вы внимание, как американцы размахнулись атомной дубиной? Так вот, скоро

не у одних американцев будет такая дубина. Мир ужаснется! А кто этим руководит – догадались? (Пауза).

Петр Иванович. О чем вы? Я же не физик.

Энкаведист. Физиков ему как раз хватает – и наших, и немцев. А вы необходимы как советник по вопросам этим, как их...

Петр Иванович. Этногеополитическим?

Энкаведист. По-видимому, но вы и без премудрых слов поймете, о чем речь. Дело касается в первую очередь Югославии и Литвы. В Литве продолжается настоящая партизанская война, как и на Западе Украины. Необходимы нетрадиционные, научно обоснованные, а заодно по возможности гуманные и демократические (черт возьми чистоплюев-союзников!) решения. Истинные слова (*шепотом*) Лаврентия Палыча.

Петр Иванович. Чрезвычайно интересная информация. Спасибо. Однако на вашем будущем реформаторе большая кровь.

Энкаведист. Предлагаете подождать, пока спустится ангел с неба? У всех у них там, наверху, руки по локоть в крови. А вы? Не думаете же вы, что остались чистым?

Петр Иванович. Относительно себя я не тешусь иллюзиями. Но была война, и она закончилась.

Энкаведист. Началась новая, «холодная война». Я помню, до чего вы упрямы. Очень вас прошу, не торопитесь повторять свое «нет», даже мне. Отказав наркому лично, вы станете его личным врагом. Зачем оно вам? Я узнал, что вы просили мельниковцев спрятать вас где-то во Франции. Но разве от конторы спрячешься, Петр Иванович? Скажете, многие из тех, кто убежал с немцами, схоронились теперь в Америке и Канаде. Но, во-первых, не думаю, что они надежно там укрылись, во-вторых, перед тем, как впустить таких ДиПи, цеэрушники вытряхивают из них всю развединформацию об СССР. А в вашем случае это будет уже полномасштабная измена родине. Разве вы себя не уважаете, Петр Иванович?

Петр Иванович. Вот оно как. (*Невесело улыбается*). Правильно ли я понял, что идет речь всего лишь о теоретически возможных вещах? То есть, чисто теоретически, могу ли я продолжить обсуждение ситуации, не говоря конкретно «нет» или «да»?

Энкаведист. В ответ на ваше «нет» я не стал бы ликвидировать вас здесь, вместе с той старой немкой. Зачем? Мой человек напечатал бы статейку в местной оуновской газетке о вашем сотрудничестве с нами, и вам пришлось бы прятаться от службы безопасности бандеровцев, а не от наших. В конечном счете, мы силой вывезли бы вас в советскую зону оккупации, а вы бы этому только обрадовались. Правда, в таком случае вас на Лубянке не встретят со цветами, это уж точно.

Петр Иванович. У нас же теоретический разговор, так ведь? Тогда примите во внимание, что я одиночка, что представление о родине становится у меня с каждым годом всё более абстрактным, что не раз уже в жизни рисковал...

Энкаведист. Опомнитесь, Петр Иванович! Вот у меня для вас письмо.

Петр Иванович (*берет с недоверием. Потом поворачивается к Энкаведисту спиной*). Неужели от Надежды Павловны? Вы... вы же прочитали его?

Энкаведист. Конечно. И еще прочитал мой прежний коллега, теперь начальник областного управления, его я попросил организовать это письмо. И, конечно, районный оперативник, который непосредственно встретился с Нулёвой. Конечно, письмо без подробностей, но она на поселении, работает библиотекарем. Вместе с подругой снимает отдельное помещение. Здорова. Сможете и вы ей написать, Надежде Павловне. Если вернетесь.

Петр Иванович (*пробегает письмо глазами, потом читает сначала, бормоча*). «Я счастлива, что ты жив, хоть и не знаю, где ты и что делаешь. Живу, будто раковина на дне аквариума, новости доходят к нам, как сквозь толщу холодной воды. Уже реже вспоминаю

внезапную смерть моего Валика и как её переживал покойный Николай. А теперь, дорогой, опять начну мечтать, а то уже разучилась». Мне можно это оставить себе?

Э н к а в е д и с т . Конечно. Ну что вы так смотрите на меня? Я не уполномочен вам ничего обещать! Условия, при которых станет возможным освобождение всех репрессированных по политическим статьям, вам известны. Но не известно, дождемся ли этого мы с вами. *(Пауза)*.

П е т р И в а н о в и ч *(решительно)*. Мы поедем прямо сейчас?

Э н к а в е д и с т *(улыбается)*. Нет, это было бы для вас, пожалуй, опасно. Послезавтра, в десять ноль-ноль, будьте у главных дверей Фрауэнкирхе. А дальше уже наши хлопоты. Из вещей достаточно зубной щетки, ну, портфель еще возьмите. Поднимите воротник пальто, лицо прикройте. И оставьте, пожалуйста, здесь эту устаревшую одежду. *(Показывает на немецкий мундир)*.

П е т р И в а н о в и ч *(небрежно)*. Да дьявол с ней уже, с этой ветошью! Поигрался – и хватит. Нужно сделать так, чтобы мое исчезновение еще более поссорило мельниковцев с бандеровцами. Пусть ваш человек напечатает нечто примерно вот такое. Садитесь, пишите, моей рукою нельзя. *(Пауза)*. «Кровавые бандеровские убийцы совершили очередное страшное преступление против украинского народа в рассеянии. В ночь на 17 апреля в темном углу лагеря Миттенвальд они убили известного украинского ученого...». Нет, я еще посмеюсь над своими собственными некрологами!

Картина четвертая

Холл ресторана. Несколько диванов, журнальный столик с пепельницей. На стене какая-то посредственная гравюра: киевский пейзаж – мост Патона, Метро-мост или что-нибудь в этом роде. Слева выход на лестницу, справа – не видные зрителю двери в мужской и женский туалеты, еще дальше – банкетный зал.

Строевым шагом выходит Человек с транспарантом, ставит транспарант "21 июня 1966 года. Киев. Ресторан "Прага" на Владимирской. Холл на втором этаже. Говорят по-украински", идет прочь.

П е т р И в а н о в и ч под ручку с Надеждой Павловной выходит из-за кулисы справа. Она бережно поддерживает его, когда он осторожно устраивается на диване.

На де ж да П а в л о в н а . Ладно уж, отдохни от шума-гама, если тебе здесь по нраву. Ишь, какой! Выпил коньячку, глаза загорелись. Вот и пошутил бы с коллегами, как ты любишь.

П е т р И в а н о в и ч . Но я их каждый день на работе вижу, дорогая. Какие уж там с ними шутки? А ты пойдешь, чокнись с ребятами, потанцуй. Ты прости, мне захотелось покоя. Одна мысль в голове промелькнула, хочется проверить, стоящая ли.

На де ж да П а в л о в н а . Опять твоя мысль, наша вечная разлучница... Послушай, здесь ведь курят – а тебе не повредит?

П е т р И в а н о в и ч . В банкетном зале курят еще больше. Да и... Что мне теперь сможет повредить, дорогая? Знаешь, если бы мне нравилось курить, а я бы раньше бросил ради здоровья, то теперь бы снова начал бы! Всё равно дольше не проживу.

Надежда Павловна. Кончай болтовню, а то еще забудешь свою мысль, а я опять буду виновата.

Петр Иванович. Да нет, я придерживаю её за хвост.

Надежда Павловна целует мужа и выходит вправо. Пауза.

Петр Иванович (*ворчит*). Нет, это вздор. Интересно, почему бы это в старости толковые мысли приходят всё-таки чаще, чем в молодые годы?

Доцент, поднявшись по лестнице, пробегает мимо диванов под заинтересованным взглядом Петра Ивановича, хлопает за кулисой справа дверью и почти сразу же возвращается.

Доцент (*оглядываясь*). Простите, товарищ, не видели ли вы здесь академика Велецкого?

Петр Иванович. Это какого именно Велецкого? Георгия Александровича?

Доцент. А которого же еще? Академик Велецкий у нас один. Академик двух академий! Украинской и союзной!

Петр Иванович. Прямо как покойный Владимир Николаевич Перетц.

Доцент. Кто? (*Пауза*).

Петр Иванович. Долго рассказывать. А Велецкого я в последний раз видел в сорок первом году в Уфе, в эвакуации.

Доцент. А... Он только что был здесь. Знаете ли, пропал куда-то с банкета. Я здесь защиту докторской отмечаю на третьем этаже, а главный свадебный генерал, он же мой научный консультант, исчез.

Петр Иванович. А в туалете смотрели? Он же старый, лет на десять старше меня. Где же еще ему быть?

Доцент. Да смотрел я... Возле раковины нету, но не в кабинки же было заглядывать... Так, может быть, вы подниметесь со мной, товарищ, посидите немного с нашими кафедрами? Тем более, что вы тоже, я вижу, фронтовик. Орден Отечественной войны 1-ой степени – это тебе не фунт изюма!

Петр Иванович. Фронтовик, не фронтовик... Скажите, а в ноябре сорок первого вы не воевали в Харькове... это когда немцы наступали?

Доцент. Я был мобилизован уже в сорок втором году. А что?

Петр Иванович. Уж очень похожи вы на одного солдата. Прямо одно лицо.

Доцент. Нет, я был рядовым только на артиллерийских курсах, а из курсов на фронт поехал уже младшим лейтенантом. Ну как, пойдём к нашим?

Петр Иванович. А какая кафедра?

Доцент. Истории советской литературы. Так пошли!

Петр Иванович. А... Да нет, благодарю покорно, но у меня здесь тоже банкет. Мне тоже сегодня присудили докторскую степень, только по совокупности трудов.

Доцент. Есть у нас на кафедре один преподаватель, он любит говорить, что защищать диссертацию никогда не поздно.

Петр Иванович (*смеется*). Меня это не касается, молодой человек. Я уже получал докторат в ..., дай бог памяти, в тридцатом году. За диссертацию о Пантелеймоне Кулише. Слыхали о таком?

Доцент. Кажется, он был буржуазный националист и (*радостно*) пытался враждебно повлиять на Шевченко. Теперь такую тему не утвердили бы.

Петр Иванович. Только не думайте, что тогда было лучше. А в войну все мои дипломы погибли, а после войны научные звания и степени были аннулированы.

Доцент. А... На проклятой войне люди много чего теряли: кто семью, кто последнее имущество, а кто и жизнь. У меня с войны два осколка в мозгу сидят, бог знает, когда дадут о себе знать. Учился до войны на геологическом факультете, а после госпиталя пришлось пойти на филологический. Однако, как видите, достиг некоторых успехов. Ну, что ж, побегу на первый этаж, поищу старика там. (*Уходит*).

Петр Иванович (*ворчит*). Вот в первый раз орден нацепил, но, по-видимому, зря Надя прокрутила дырку в пиджаке. Будто знак некоей корпорации, к которой на самом деле не принадлежу. А что этот филолог из геологов сказал бы, когда бы я и немецкие награды нацепил? Покойный доктор Геббельс на деньги был скуповат, а вот висюлек для сотрудников не жалел.

Направо хлопают двери туалета, появляется, вытирая белым платочком руки, Велецкий.
Он выпил, в добром настроении, мурлычет, фальшивя, мелодию оперной арии.

Петр Иванович (*присмотревшись сначала*). Георгий Александрович! Здравствуйте! Вас здесь искали.

Четким шагом выходит Человек с транспарантом, оборачивает транспарант.
Там: "Говорят на русском языке". Идет прочь.

Велецкий. Похоже, мы с вами знакомы. Я не ошибаюсь?

Петр Иванович. Не ошибаетесь, не ошибаетесь, Георгий Александрович! Разве не узнали? Мы встречались в Харькове перед войной и в Уфе в сорок первом. Я был тогда директором Института украинского фольклора.

Велецкий (*неуверенно*). Петр Иванович, да? Господи, что вытворяют с нами годы! Глядя на вас, я понял, что и сам, наверное, не лучше выгляжу. Словно на фотографии, разъединенной не смытым фиксажем.

Петр Иванович (*весело*). Еще хуже выглядите, чем я, еще хуже! Время выносит нам приговор, и обжалованию он не подлежит. Вас искал мужчина лет сорока. Удивил меня: докторскую по литературе защитил, а Перетца не знает и о Пантелеймоне Кулише имеет весьма смутное представление.

Велецкий. Этот? (*Передразнивает Доцента. Садится*). Он еще не из худших, а необразованные они все, это их поколение. Учились после войны на медные гроши, конспекты писали на газетах между строк. Хотя бы что доброе конспектировали! А то лекции выпускников Института красной профессуры. Что лучше не знать чего-то, чем знать лишнее, хорошо поняли еще во времена борьбы с "безродным космополитизмом". А этот парень еще не худший, нет. О Перетце он должен был знать, ибо я критиковал покойного Владимира Николаевича за формализм в методологической статье для "Материалов к истории украинской литературы", а о Кулише я вам расскажу анекдот. Вам будет интересно – вы же, как мне помнится, автор первой монографии о романах Кулиша.

Петр Иванович. Да нет, не о произведении, не о "Черной раде", а о романах его с женщинами.

Велецкий. Тут всё едино, всё связано. Что первый малороссийский роман, что покорение женщин – всё это проявления безумной гордыни Кулиша. Так вот, один мой прежний аспирант рассказывал. Он русист, а они позволяют себе не интересоваться украинской культурой, словно не в Киеве, а в Костроме живут. Не все, но больше таких.

Петр Иванович (*улыбается*). Погодите, а о ком это мне говорили, что он из принципа разговаривает только на русском языке и пишет на русском, а когда уже написано, если нужно, ему переводят на украинский?

Велецкий (*смеется*). Обо мне, обо мне! Но украинский язык я знаю лучше, чем многие из замаскированных шароварников, которые обо мне сплетничают. Иначе разве подвинулся бы на бесконечные свои предисловия к украинским классикам? А что позволяю себе не разговаривать и не писать по-украински, так это моя прихоть, моё чудачество. Считаю, что имею право на эту прихоть, ибо я один из последних могикан старой науки еще европейского уровня, ибо я последний патриций, оставшийся в живых после резни и вынужденный служить плебеям. А вы? Вы ведь тоже получили полноценное университетское образование. Разве и вы не чувствуете себя Овидием среди дикарей-даков?

Петр Иванович. Над этим не задумывался. А вот вы напоминаете мне Петронию при дворе Нерона. Кстати, тот ваш парень не знает и об академике Украинской Свободной Академии Наук докторе Леониде Велецком.

Велецкий. А вот о Леониде Велецком ему и не нужно знать. Не по-ло-же-но. Это мне довелось в спецхране просмотреть его варшавское издание Шевченко, он там, кстати, много чего нахмутил, ваш самозванный академик!

Петр Иванович. Не всё же там вздор, Георгий Александрович.

Велецкий. Да хоть бы и самая святая правда! Меня этим вашим Леонидом Велецким достали наши Нероны, которые на Липках. Я же здесь после войны величина постоянная, а они, Нероны, время от времени сменяются. Однако имеется у них традиция – приглашать меня к праздничному столу. Балерина ножкой дрыгает, певец поет, а я для болтовни. Вот каждый такой очередной Нерон, знакомясь, обязательно зажмурит этак глаз (*показывает*) и спросит глубокомысленно: «Не твой ли это родственник, тот националист Велецкий»? Хоть и доложили уже, кому следует, что никакой он мне не родственник!

Петр Иванович. Но разве это Нероны, Георгий Александрович? Скорее какой-то переход происходит от Диоклетианов к Константинам. Кстати, вышла ли ваша «История византийской литературы»?

Велецкий. Да где там... Всё статьи и предисловия царапаю для заработка. Никитка Хрущёв запретил совместительство, только нам с вами и осталось, что гонорары. Избавились мы теперь от неуча и хама Никитки, однако новые хозяева его запрещение не отменили. А тот ваш самозванный академик был учеником Перетца. Ну и расплодил старик профессоров – по всему миру разлетелись!

Петр Иванович. А сам умер в ссылке, потому что защищал независимость Академии.

Велецкий. Ну и дурак! Как можно было надеяться защитить автономию Академии на десятом (или каком-то там -надцатом) году советской власти? Ему нужно было не об Академии заботиться, а о себе, о своем комфорте жизненном, внешнем и лелеять собственную внутреннюю, духовную независимость. Занимался бы себе тихо своей древней литературой – его и не трогали бы. Коммунисты – это сила! Теперь и на Кубе засели, и в Африке. Это не немцы, а коммунисты построят Тысячелетний Рейх!

Петр Иванович. Вы обещали анекдот, Георгий Александрович.

Велецкий (*с изумлением*). Разве? А, вспомнил. Тот русист что-то там калякал о начале исторической романистики в России и приспичило ему сравнить с украинской ситуацией. Он и спрашивает доцента-украиниста по фамилии Сиренький (такой и есть!): когда же началась украинская историческая беллетристика? Читал он, мол, повести Гребёнки, но они русскоязычны. Серенький помялся, помялся, да и говорит: "Так вот же оно и есть, начало". Представляете, побоялся сказать о "Черной раде" Кулиша!

Доцент (*вбегают, оглядывается*). Так вот вы где, Георгий Александрович! Вас все ожидают, без вас и горилка в рюмках нагрелась! Мы же на третьем этаже, Георгий Александрович!

Велецкий (*свысока*). Разве не видите? Я с коллегой разговариваю. Я не заблудился, склероза у меня еще нет. (*Оживляется*). Скажите, э-э-э, наш именинник, кто эта дама, что сидела по правую руку от Сиренького?

Доцент (*спешно вспоминает*). По правую руку от Сиренького?

Велецкий. Полненькая такая шатенка, в мелких кудряшках! Еще и на меня время от времени эдак значительно посматривала.

Доцент (*радостно*). Да это же ваша аспирантка, Георгий Александрович!

Велецкий. О! То, что нужно! Простите, я побежал. (*Кланяется, поспешно выходит на лестничную площадку. Тотчас же медленно возвращается, опять садится на диван*). Да ну их всех... Вы вот что, именинник, найдите лучше для меня сигарету с фильтром (мои в портсигаре, а его забыл дома) и организуйте чашку кофе. Двойной, сахара одна ложечка. (*Доцент дает ему сигарету, потом прикурить. Велецкий затягивается, выпускает дым. Доцент выбегает*). Вот так и проходит моя жизнь: затянулся, взглянул на любимую гравюру, что напротив моего письменного стола, отхлебнул кофе – и написал еще фразу тошнотворного предисловия к трехтомнику какого-нибудь Андрея Головка.

Петр Иванович. Это все туфта, Георгий Александрович. Это все туфта, то, что они теперь пишут. Всё это забудется через десять, ну, через двадцать лет. Это перекрашенное просвирянство с обязательными воспоминаниями о босоногом идиллическом детстве, этот романтизм (какой может быть романтизм в XX веке?) – и вечная, до сих пор не преодоленная наша культурная отсталость.

Велецкий. Считаете, что все туфта, даже без исключений?

Петр Иванович. Исключения всегда возможны. Но положение и в литературе, и в гуманитарных науках ужасное. Инженеров кое-как научились готовить, и теперь уже невозможен директор завода, не знающий четырех правил арифметики, а вот гуманитарные науки сервильны.

Велецкий. Относительно литературы готов согласиться. И с критикою швах. Когда еще было разрешено совместительство, я подрабатывал в университете, завкафедрой. И никак нельзя было вытурить старшего преподавателя, на которого без конца жаловались наши терпеливые студенты. На каждую открытую лекцию он приносил кипу листов с наклеенными на них вырезками статей из "Правды", читал эти вырезки одну за другою – и что с ним поделаешь?

Петр Иванович. Великолепно.

Велецкий. А покойный Рыльский – он же ваш приятель был, и после войны, собственно, ваши довоенные должности занимал – что вы скажете о последних сборниках Максима Фадеевича?

Петр Иванович. Барская болтовня. (*Декламирует*). "Труд перерастаете у красу". Хоть бы посмотрел, как женщины в колхозах или на железной дороге уродуются от каторжного труда!

Велецкий (*смеется*). Вы это Рыльскому и в глаза говорили?

Петр Иванович. Нет, не довелось. Потому что Максим побоялся со мной встретиться, когда мне, наконец, позволили вернуться в Киев. Они с Тычиной в сталинщину перепугались навсегда.

Велецкий (*на глазах трезвеет*). Так вы сидели? Были реабилитированы? А как же тогда это? (*Показывает на орден*).

Петр Иванович (*задумчиво*). Сидел? Действительно, как вернулся из ФРГ, тогда еще Тризонии, меня восемь месяцев держали на Лубянке. Но это не была отсидка, даже

не следствие – скорее деловые беседы. Я там работал – литературу привозили из Ленинки. Потом дали мне ставку в московском Институте археологии.

Доцент (вбегает с чашкой на блюдце). Вот кофе, Георгий Александрович!

Велецкий (поднимается на ноги, раздавливает сигарету в пепельнице, грубо). Да пейте теперь сами свой кофе! (*Петру Ивановичу*). Мне уже пора. До свидания. (*Язвительно, вполголоса*). И чем это только я провинился перед родными органами? (*Спешно уходит, за ним Доцент, удивленно оглядывающийся на Петра Ивановича*).

Выходит Человек с транспарантом, поворачивает транспарант надписью "Говорят на украинском", уходит.

Петр Иванович. Максима я понимаю: он испугался упреков своей совести. А чего испугался этот спесивый патриций? Разве в его возрасте имеет смысл бояться чего-то еще, кроме смерти?

Пауза. Слышны звуки вальса. Влетает Надежда Павловна.

Надежда Павловна. Идём потанцуем, Петя! А то меня пригласит Брайчевский и опять ноги отдавит.

За спинами Петра Ивановича и Надежды Павловны, бросив на них быстрый взгляд, в направлении туалетов проходит Энкаведист.

Петр Иванович. Да иди уж, пострадай, дорогая. Я выпил, боюсь, голова закружится. Уж лучше дождусь танго.

Надежда Павловна. Хорошо, но не с тобой я сегодня танцую в последний раз. Пойду, а то музыка закончится. (*Целует Петра Ивановича и выбегает*).

Петр Иванович (растроган). Какой же я молодец, что устроил этот глупый банкет! Бедная, в её жизни со мной так мало развлечений! Нужно чаще водить Надю в какой-нибудь ресторан вблизи от дома, чтобы потанцевать. И ужинать там.

Справа появляется Энкаведист, обходит Петра Ивановича сзади, неожиданно поворачивает налево и становится перед ним.

Энкаведист. Добрый вечер, Петр Иванович. Вот ведь когда увиделись!

Петр Иванович. Добрый вечер! Это же вы, загадочная личность, в последний раз назвавшаяся Васылём! (*Пожимают друг другу руки*). Садитесь же, прошу!

Энкаведист (садится, достает сигарету из золотого портсигара, предлагает, закуривает сам). Эта эффектная женщина, которая была здесь с вами, не Надежда ли Павловна?

Петр Иванович (надменно). А кто бы еще? Мы поженились, как только Надю реабилитировали, а меня отпустили в Киев. Я был тогда слишком старым холостяком, чтобы оставаться старым холостяком. Сначала у нас были квартирные неурядицы – как, собственно, у всех молодых супругов, а теперь получили отдельную квартиру на Русановке.

Энкаведист. Не узнал её, видел только на фото в деле. А мне дали двухкомнатную на Карла Либкнехта.

Петр Иванович. Это где?

Э н к а в е д и с т . Да на Липках, аристократическая очень улица, её и до войны так называли.

П е т р И в а н о в и ч . Вспомнил, я еще застал её как Левашовскую.

Э н к а в е д и с т . Я там в солидной компании. Корнейчук с Вандой Василевской, художник Пащенко, а остальные – мои коллеги, действующие и на пенсии. Образуем как бы живой щит для Первого секретаря: у него там резиденция. Красиво вокруг, тихо, но немного скучно. На работу, правда, пешком хожу.

П е т р И в а н о в и ч . А что за работа, коли не секрет?

Э н к а в е д и с т (*грустно*). Кончились мои секреты, Петр Иванович. А должность дали мне, как под зад коленом выставили из органов, такую, что стыдно признаться. Служу вторым заместителем председателя Союза писателей Украины.

П е т р И в а н о в и ч (*ошарашен*). Наверное, пишете что-нибудь?

Э н к а в е д и с т . Да пришлось надиктовать техническую запись брехливых эрзац-мемуаров, типа "Руки вверх, фрицы!", а ребята-редакторы уж обработали. (*Убежденно*). Правду ведь нельзя писать. Вам я этой книжки не подарил бы, постеснялся б.

П е т р И в а н о в и ч . Простите за бестактный вопрос, но как вы уцелели в пятьдесят третьем?

Э н к а в е д и с т . Какая там еще бестактность? Я с таким наслаждением вспоминал наши с вами откровенные разговоры. А в пятьдесят третьем... Своего наркома я дорогому Никите Сергеевичу никогда не прошу. А я? Я был слишком мелкой сошкой, чтобы меня расстреляли вместе с наркомом. Но это не вся еще правда. Тогда и классные оперативники, и боевики были репрессированы. И тот проворный парень, угощавший конфетами господина Коновальца (помните?), он до сих пор сидит. Я же спасся тогда тем, что был на задании за океаном. (*Шепотом*). Организовывал последние попытки украсть секрет водородной бомбы. За малым там не сел. В этот раз почти ничто не удалось выведать, но наши физики и сами справились. (*Опять громко*). А вы, вы же Югославией занимались. Тогда вам будет интересно узнать, что ваш проект начали было претворять в жизнь – а затем Хрущёв вдруг помирился с цепным псом империализма Тито.

П е т р И в а н о в и ч (*недовольно*). «Мой проект» – это звучит слишком помпезно. Там нужно только подтолкнуть, они и сами разбегутся по своим углам. И разбегутся, когда ослабеет железная рука товарища Йосифа Броз Тито. А что конкретно ваши успели там сделать?

Э н к а в е д и с т . Нашли людей, чтобы посоветовали тамошнему Хозяину заселить албанцами опустевшие после партизанской войны земли собственно Сербии. Деталей мне не рассказывали, Петр Иванович.

П е т р И в а н о в и ч . Мирно они не разойдутся. Без крови не обойдется. А знаете, почему я пришел к этому выводу? Потому что в Сербии, Боснии и Черногории до сих пор процветает народный эпос. А это признак архаичности этих народов. Знаете, как переводится «архаичность» на обычный язык? Дикарство. Дикари не умеют договариваться. А в каких еще странах Европы народный эпос сохранился почти до последних лет, а?

Э н к а в е д и с т (*тихо*). Былины в России, думы на Украине. Боже мой... Вы полагаете?

П е т р И в а н о в и ч . И почти у всех азиатских народов СССР имеется эпос. Если другие империи на наших глазах потеряли свои колонии, разве можно надеяться, что эта чудом каким-то их удержит? Или что помогут глупые заклинания об образовании новой исторической общности – советского народа? Эта общность существует разве что в ЦК КПСС, где функционеры внешне вроде бы и в самом деле денационализировались и премило беседуют между собою на русском, а идеологам кажется, что и на Кавказе оно так же. Народы освобождаются из колониального ига, потому что мир постепенно

демократизируется, независимо от того, желают этого правители, или нет. СССР придется либо вернуться к террору времен сталинщины, либо отпустить, оставив в них военные базы, те республики, которые будут бороться за независимость. В первую очередь, прибалтийские. Тем более что на Западе Россию никогда не любили, и натовцы давно уже пытаются разваливать её своей пропагандой. Только что я разговаривал с академиком Велецким, так он пророчил, что это коммунисты возведут настоящий Тысячелетний рейх. Мне же кажется, что и на сотню лет пороха не хватит.

Энкаведист (обиженно). Но я не хочу увидеть, как всё завалится. Политическая система, пусть и со скрипом, стабилизировалась, верхние прослойки как сыр в масле катаются, народу тоже бросили кость – твердые низкие цены и практически бесплатное жилье. Я не хочу...

Петр Иванович. Разве я виноват? Это объективный процесс. Я мог бы обосновать этногеополитический аспект прогноза, но это никому не нужно. Наверху, как соловьи, поют, закрыв глаза на действительность, и, как соловьи, слышат только самих себя.

Энкаведист. Да. Ругали Хрущева за волюнтаризм, а сами чем лучшие? Разве они прислушиваются к научным работникам?

Петр Иванович. Спросите лучше: какие ученые с нашими бонзами работают? Воспитанные и вымуштрованные партией лгуны, которые в рот к ним заглядывают. Однако этот разговор...

Энкаведист. ...не для фойе ресторана. *(Докуривает, раздавливает окурки в пепельнице).* А Велецкий? Этот продался с кишками и требухой. Понятно, что ему психологически легче прожить, если убедит себя, что хозяева больше не изменятся. Вон Фадеев застрелился, когда вернулись первые репрессированные. И честно поступил.

Петр Иванович. А по мне, так Фадеев был слабак. Его поколение безрелигиозно, и категория совести для них еще с гражданской войны стала фикцией. Тем более категория греха. Ну, плюнули ему в лицо – и что? Фадееву следовало утереться и выполнять новые идеологические установки.

Энкаведист. Было очень приятно снова услышать ваши парадоксы. *(Тычет бумажку).* Вот мой телефон, Петр Иванович. Позвоните мне как-нибудь вечером.

Петр Иванович (немного растерянно). У нас нет телефона. Новый район, знаете... Вечером можно разве что из автомата.

Энкаведист. А оно и лучше, из автомата. Безопаснее. Позвоните – и я, быть может, расскажу, почему не хочу иметь детей. И вот что – память уже не та стала – чуть не забыл. Будьте осторожны, Петр Иванович, когда улицу переходите. Уж слишком много наших бывших сослуживцев очутились под колесами грузовиков. Как-то не по статистике оно выходит.

Петр Иванович. Можно подумать, вы не понимаете, что делается.

Энкаведист. Всего доброго, Петр Иванович. Берегите себя.

Петр Иванович. До свидания.

Энкаведист уходит.

Петр Иванович (ворчит). Этот убийца выказывает странную сентиментальность, если надеется, что я пойду в очередь у телефона-автомата за два квартала. А я что-то устал. *(Прикрывает глаза).*

Вдруг, из середины такта, очень громко начинает звучать 7-я часть «Реквиема» Моцарта “Lacrimosa”. Свет гаснет, и в лимонном лунном свете начинается с лестничной площадки свое медленное шествие цепочка людей,двигающихся словно в полонезе, но не

держась за руки. Первым идет Рудяков без винтовки, за ним Филиппович в бушлате зэка, дальше немецкие солдат и офицер без оружия, босой человек в гражданском, седая женщина в ватнике и ватных штанах, похожая на Надежду Павловну, мужчины в национальных костюмах народов Югославии и крымских татар. Это могут быть актеры, игравшие роли других персонажей пьесы. Все они, кроме седой женщины, в окровавленной одежде.

Г о л о с Н а д е ж д ы П а в л о в н ы (*кричит отчаянно*). Петя, Петя!

Как только последняя фигура исчезает справа, "Lacrimosa" обрывается и возобновляется предыдущее освещение. П е т р И в а н о в и ч в той же позе сидит на диване. Н а д е ж д а П а в л о в н а склоняется над ним.

Н а д е ж д а П а в л о в н а (*спокойно, ласково*). Петя, ты задремал? Я там уговорила музыкантов сыграть танго "Дымок от папиросы", наше любимое. Помнишь, как ты пригласил меня на танго на именинах Крушельницкой и всё время дышал в сторону, потому что за столом наелся селедки?

П е т р И в а н о в и ч . Обожди, давай посидим немного. Мне тут почудилось... (*Негромко. С сдержанной яростью*). А вот и нет! Я отбрасываю все обвинения! То, что в душе моей вмонтировано на место совести, блестит, как новая копейка. Я победитель, а победителей не судят. Двум самым жестоким тираниям мира не удалось покорить меня, и я не впустил ни одной чужой мне идеи в хрупкую скорлупу своего черепа. Я боролся со всеми режимами, пытавшимися раздавить мою личность и превратить меня в лицо под каской на фото печатающей гусиный шаг шеренги. В том и моя заслуга, что фашистам не удалось промаршировать всей планетой, а Бандере распространить на всю Украину свою страшную власть. Жаль, что тебе, дорогая, не придется, по-видимому, прочитать, что писал я на Западе о преступлениях сталинизма во времена, когда все там восхищались добрым дядей Джо. Я победил уже тем, что выжил! Я победил, ибо женился на тебе, дорогая, на женщине, о которой мечтал всю мою жизнь. Я победил, ибо ухитрился напечатать свои романы в Германии, и они теперь не исчезнут в неизвестности. Я победил, ибо за свою жизнь кочевника без юрты смог написать около двухсот совсем неплохих научных работ, и многие из них были изданы. А рукописи – ты ведь сбережешь мои рукописи, дорогая?

Н а д е ж д а П а в л о в н а . Не сомневайся. Я сберегу твой архив, как сохраняю архив покойного Николая. Мне иногда кажется, что с тобой я балансирую над бездной, но после того, как побывала на дне бездны, это почти счастье. О! Заиграли! Идём танцевать, Петя!

П е т р И в а н о в и ч . А давай здесь, дорогая! Зачем нам с тобой развлекать публику в зале?

Под вульгарную ресторанный музыку делают несколько па, однако мелодия танго разрушается громкими диссонансами и обрывается. Пара на авансцене застывает в объятиях.

Занавес.

2008 г.

